

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№4(19) НОЯБРЬ 2008

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

МЕСТО ВСТРЕЧИ — НИЖНЕВАРТОВСК

Хлебом-солью, пирогами с грибами и клюквой, песнями под гармошку и катанием на тройках, разукрашенных разноцветными лентами, встречал когда-то Висим — родина писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка — участников первой церемонии вручения Всероссийской литературной премии, носящей имя «певца земли уральской». Неожиданно появился и сам «Мамин-Сибиряк». В роскошной лисьей шубе, доброй улыбкой приветствовал гостей актер Нижне-Тагильского молодежного театра Андрей Майданов. Он, по мнению исследователей творчества Мамина-Сибиряка — вылитый Дмитрий Наркисович в молодые годы.

Потом были посещение музея писателя, церковно-приходской школы, в которой учился будущий классик, подъем на гору, откуда открывается чудесный вид на поселок и его окрестности. А у ее подножия гостей встречали разодетые в костюмы позапрошлого века представители трех концов — кержацкого, украинского и работного (именно так описывал свой родной поселок Мамин Сибиряк). А потом, в сельском клубе, до отказа наполненном гостя-

ми — представителями писательских организаций Урала, Западной Сибири и Поволжья и местными жителями, началась сама церемония. Торжественная и необычная. Сцена была оформлена, как литературный салон XIX века. На ней царил «Мамин-Сибиряк» и его «семейство»: супруга и дочь Аленушка. Они встречали и приветствовали тех, кто удостоен высокой литературной награды. Звучали фольклорные песни, отрывки из произведений самого писателя, разыгрывались сценки уральского быта, выступали соучредители премии и сами лауреаты.

После Висима церемонию «мамнинской» премии принимали у себя Нижний Тагил, Ханты-Мансийск, Пермь, Челябинск и Муравленко.

Стало доброй традицией вручать премию в день рождения знаменитого писателя — 6 ноября. Идея учреждения премии имени Мамина-Сибиряка, которой бы отмечались в первую очередь произведения, развивающие реалистическую традицию русской литературы, зародилась несколько лет назад в Ассоциации писателей Урала и была поддержана Пред-

седателем Союза писателей России Валерием Николаевичем Ганичевым, что и придало ей статус Всероссийской.

Соучредителями премии выступили главы субъектов РФ на территории Уральского Федерального округа, частные лица и общественные объединения. Одними из первых в состав соучредителей вошли Губернатор ХМАО Александр Васильевич Филиппенко, Губернатор Челябинской области Петр Иванович Сумин, депутат Государственной Думы Николай Иванович Рыжков. Сегодня шесть Администраций областей и республик Урала, несколько политических движений и частных инвесторов поддерживают премию. Впрочем, главная гарантия жизнеспособности этого проекта — все-таки не материальная составляющая (хотя и она существенна), а моральное стимулирование творчества писателей и растущий год от года престиж премии.

Достаточно взглянуть на список лауреатов прежних лет. Среди них яркие, колоритные прозаики и поэты, чье творчество известно далеко за пределами не только

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 4 ➡

В НОМЕРЕ

IX КОНФЕРЕНЦИЯ АСПУР

С. 1, 4

ПИСАТЕЛИ ОМСКА

ЖИВУТ «НИГДЕ»

С. 4–5

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

С. 2–3

ЛИТЕРАТУРА:

ИЗМЕРЕНИЕ ВЕЧНОСТИ С. 8

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ:

АКТЕР, ПОЭТ И ВОИН

ЕВГЕНИЙ БУНТОВ

С. 6–7

НОВЫЕ КНИГИ

С. 9–11

КРИТИКА: О ПРОЗЕ

ТАТЬЯНЫ СОКОЛОВОЙ,

О СТИХАХ

ВЛАДИМИРА ВОЛКОВЦА

С. 12

ПОЭЗИЯ:

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ

С. 13

ПРОЗА:

АРСЕН ТИТОВ

С. 14–15

БАЖОВСКАЯ ПРЕМИЯ

С. 16

ТЮМЕНЬ

ПРЕМИЯ ВРУЧЕНА

14 октября сего года в филармонии при поддержке Департамента по культуре и искусству Тюменской области состоялась третья церемония вручения международной премии Владислава Крапивина, учрежденной Ассоциацией писателей Урала и Фондом В.Крапивина.

В ней приняли участие Губернатор Тюменской области В. Якушев, координатор АСПУР А.Кердан, исполнительный директор Фонда В.Крапивина С.Аксененко, сопредседатели Ассоциации писателей Урала: А.Титов, А.Кравцов, Н.Шамсутдинов, Н.Коняев и, конечно, сам юбиляр — Владислав Крапивин.

Лауреатами этого года впервые стали не только писатели, пишущие для детей и юношества: Владислав Бахревский из Москвы, Аркадий Мар из Нью-Йорка, Василий Быковский из Муравленко, Андрей Щупов из Екатеринбурга, но и художники, иллюстрировавшие книги Крапивина: Е. Стерлигова, Е.Медведев, Е.Пинаев, а также сценаристы В. Хапаев и Ю.Викторов из Севастополя. Гранты Фонда Владислава Крапивина получили в этом году юные литераторы Гера Тихомиров из Кирова и Ксения Иванова из Тюмени.

Всем лауреатам удалось не только получить медали, дипломы и конверты с премиальной суммой, но и выступить перед читателями Тюмени, принять участие в просмотре фильмов, снятых по мотивам произведений юбиляра, а так же в научно-практической конференции по проблемам современной детской литературы, состоявшейся накануне в Тюменском государственном университете.

Соб. информ.

ЕКАТЕРИНБУРГ

ПРЕДСТАВЛЕНА
НОВАЯ СЕРИЯ

В музее писателей Урала (на Пролетарской, 10) состоялось представление новой книжной серии «Библиотека российской поэзии», которую в июне этого года начали издательство «МАМАТОВ» (Санкт-Петербург), Союз писателей России и Ассоциация писателей Урала.

Серию открыл сборник «Избранного» Александра Кердана. Он и стал главным предметом обсуждения, в котором приняли участие известные филологи и писатели: Леонид Быков, Юрий Казарин, Геннадий Бокарев (Екатеринбург), Лола Звонарева (Москва) и издатель Ильдар Маматов из Северной Пальмиры.

Звучали стихи в исполнении автора, а в конце вечера блестяще выступили: певица Яна Чабан и ее концертмейстер Елизавета Шубина. Прозвучали несколько романсов на стихи уральских и московских поэтов и музыкальные пьесы.

Это не случайно. Ведь серия охватит собой всю Россию. Уже через месяц, как пообещал издатель, выйдут в свет сборники стихов екатеринбуржца Юрия Казарина и Николая Годины (Челябинск), вслед за ними — книги пермяка Анатолия Гребнева и алтайца Сергея Филатова. Уже есть договоренность об издании книг Нины Ягодинцевой из столицы Южного Урала, омчанки Татьяны Четвериковой, краснодарца Николая Зиновьева.

Такая широкая география проекта была бы невозможна без участия в нем в качестве главного редактора первого секретаря правления Союза писателей России Геннадия Иванова.

Остается только добавить, что презентация в Екатеринбурге, это звено в цепи мероприятий по продвижению новой серии. Уже прошли читательские конференции и презентации в Перми, на Международной книжной ярмарке и в Музее серебряного века в Москве.

В декабре книга А. Кердана будет представлена в «Пушкинском доме» в Санкт-Петербурге, а поэтическая серия (в составе первых четырех книг) в Центральном доме литераторов в столице России.

Марат ЮНУСОВ

НОЯБРЬСК

ОСЕННИЙ ЛИСТОПАД

Под таким названием состоялся в городе на Ямале творческий вечер солистки концертной группы Ассоциации писателей Урала, лауреата международных и всероссийских конкурсов и премий Яны Чабан. Она прибыла сюда по приглашению Ноябрьского Интеллект-Центра, который и распахнул свои гостеприимные двери для поклонников русского романа.

В программе, в которой приняли участие пианистка Елизавета Шубина и поэт Александр Кердан, прозвучали произведения известных композиторов, романсы и стихи, посвященные золотому времени года. В конце вечера гости ответили на вопросы зрителей, обменялись с представителями Центра подарками и сувенирами. Были цветы и восторженные отклики собравшихся.

Надо заметить, что такие мероприятия в Ноябрьске проводятся ежегодно. В прошлом году здесь выступали писатель Юрий Бриль из Екатеринбурга и бывший екатеринбуржец, а ныне москвич Сергей Георгиев.

Анна АРЕФЬЕВА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ПОЭЗИЯ — ДЕЛО
ПРИНЦИПА

С 26 по 30 сентября 2008 года в Екатеринбурге уже в пятый раз проходил легендарный Поэтический марафон. Доме писателя (ул. Пушкина, 12). На открытии мероприятия памятными медалями «За служение литературе» награждены писатели, которые посвятили свою жизнь и отдают все силы на создание уральского пласта русской культуры. 26 сентября в первый день Международного фестиваля «Поэтический марафон-2008» под девизом «стихи без правил» участвовали все желающие. Оргкомитет принял заявки от поэтов более чем из 27 городов.

27 сентября в Марафоне «Поэтическая семья», посвященном году семьи в России, были представлены целые поэтические династии. В этот день был настоящий бум творческих экспромтов, сценических миниатюр и музыкальных вариаций в исполнении участников фестиваля. 28 сентября третий день поэтических мистерий — Марафон «Поэзии единым языком» — прошел в Свердловской областной библиотеке для детей юношества. Здесь можно было услышать чтение авторских стихов на всевозможных языках — украинском, белорусском, марийском, татарском, башкирском, армянском, польском, английском, французском, итальянском и даже идиш, китайском и якутском. 29 сентября состоялась поэтическая акция, посвященная духовным стихам. Поэты, размышляющие о законах мироздания, выступали с 11.00 до 18.00 в Доме писателя. 30 сентября в итоговом Марафоне «Время мастера» приняли участие поэты-члены Союза писателей России и Союза Российских писателей, среди которых Юрий Казарин, Вадим Дулепов, Евгения Изварина, и другие повелители муз города Екатеринбурга. Закрыв торжество поэтического слова поэт, член Союза писателей Аркадий Застырец.

Всего в этом году поучаствовало более трех сотен поэтов. Самому младшему участнику было 5 лет, самому старшему — 88.

Елена ШАРОНОВА

СУРГУТ

ШОЛОХОВСКИЙ
МУЗЕЙ

Писательский десант из Ханты-Мансийска в составе: Николая Коняева, Галины Хорос, Николая Вторушина и Князя Гочага (из Пыть-Яха) высадился в Сургуте.

Гости и местные авторы встретились со студентами и преподавателями государственного педагогического университета. Затем состоялся большой литературный вечер в центральной городской библиотеке имени А.С.Пушкина. Были экскурсия по городу и встреча с творческой интеллигенцией города.

Но больше всего восхитил писателей-гостей литературный музей М.Шолохова, созданный здесь по инициативе известного филолога, члена Союза писателей России Юрия Дворянина. Он же стал и главным редактором «Шолоховского вестника», несколько номеров которого были презентованы гостям.

Теперь в Сургуте, где уже много лет под руководством Сергея Лагерёва действует центр Николая Рубцова, появился такой же центр памяти классика русской и советской литературы.

Александр БОРИСОВ

БАРНАУЛ

ВСПОМИНАЯ МЕРЗЛИКИНА

Творчество известного алтайского поэта Леонида Мерзликина, ушедшего от нас в середине роковых 90-х, всё больше привлекает к себе внимание писателей-современников, педагогов, ценителей и пропагандистов поэзии. Разговор о поэтическом наследии Леонида Мерзликина — это прежде всего разговор об огромном и совершенно особенном русском мире, загадка которого в силу своей неразрешимости уже практически объявлена несуществующей.

Во всемирной своей отзывчивости, в открытости и детской очарованности всем иноземным за двадцатый век мы многое растеряли из золотого запаса собственной культуры. Постоянно догоняя прогресс в технике, торговле, общественных отношениях, мы существуем сегодня в каком-то странном мире, где родного, кровного принято чуть ли не стыдиться. Это родное объявляется то дремучей провинциальностью, то воинствующим национализмом. Мы изо всех сил приспосабливаемся к иной культуре, иным традициям, иным видениям и чувствам — то это Запад, то Восток, то оба сразу в своей несовместимости... Рвутся корни, трещат жилы, уходят в небытие потерянные поколения... И только поэты по-прежнему пытаются собой соединить несоединимое, понять, что происходит, и сохранить родину в пространстве собственной души. Одним из таких пронзительных русских, глубоко искренних народных певцов является Леонид Мерзликин.

С 1996 года на Алтае проводятся краевые Мерзликинские литературные чтения, а с 2000 года вручается премия имени поэта. Чтения проводятся Алтайской краевой писательской организацией Союза писателей России (руководитель Г.Д. Колесникова), Государственным музеем искусства и литературы (ГМИЛИКА) — директор И.А. Коротков, администрацией и Центральной библиотекой г. Новоалтайска (директор О.Л. Чайка). Каждые чтения — это и дань памяти поэту, и праздник читательского (прежде всего детского) творчества, и чествование поэтов и подвижников литературного труда. Чтения как форма пропаганды творческого наследия поэта и поэзии в целом постоянно развиваются, разворачиваются географически и изменяются качественно. В этом году в них приняли участие поэты из Омска и Челябинска, впервые творчество поэта стало объектом научного, культурологического и литературоведческого анализа.

Программу Мерзликинских чтений в ГМИЛИКА открыл Круглый стол «Поэтическое наследие Л. С. Мерзликина: востребованность и перспективы изучения». В работе Круглого стола приняли участие учёные, библиотекари, писатели, педагоги, издатели, были приглашены школьники. В первый день чтений была представлена книга ученика Л. Мерзликина, Сергея Ключникова — «Осенний шквал противоречий», прозвучали песни на стихи современных поэтов Алтая.

Второй день чтений традиционно начался в Новоалтайске, где в старинном сибирском селе Белооярск прошло детство Мерзликина. Участники чтений поприветствовали мэра Новоалтайска Владимир Ильич Иванов. Он уделяет большое внимание вопросам сохранения и пропаганды творческого наследия алтайских писателей. В исполнении библиотекарей Центральной библиотеки Новоалтайска прозвучала одна из первых широко известных поэм Мерзликина — «Купава». Затем участники чтений возложили цветы на могилу поэта, побывали у его дома в Белооярске. На доме сейчас установлена мемориальная доска. В Новоалтайске планируется открытие музея поэта, уже готов проект памятника.

Затем в Доме культуры состоялся праздничный концерт и прошло торжественное вручение премии имени Л. Мерзликина. В этом году премия присуждена (посмертно) известному прозаику В. Б. Свинцову, трагически ушедшему из жизни летом этого года, за 4 дня до своего 70-летия. Премию вручили вдове писателя. Заключительный день чтений прошёл в школах и библиотеках Новоалтайска, где писатели провели творческие встречи. Во всех мероприятиях чтений участвовали Т. И. Мерзликина, вдова поэта.

Мерзликинские чтения — лишь одно из направлений активной и разносторонней деятельности Алтайской краевой писательской организации под руководством поэта Галины Колесниковой. В крае проводится 14 литературных чтений, из них 12 посвящены творчеству известных алтайских писателей. Не только Барнаул и Новоалтайск становятся центрами изучения и пропаганды творчества земляков, но и небольшие районные центры и сёла. В самой писательской организа-

ции работают сегодня литературный клуб «Беловодье» под руководством поэта Ю. Нифонтовой, литературное объединение «Спектр» (руководитель Е. Рябова), краевая литературная студия, секцию прозы в которой ведёт С. Бузмаков, а поэзии — И. Мордовин. Писатели шефствуют над школой-интернатом № 4, над детской туберкулёзной больницей, двумя детскими домами. Ряд литературных премий и конкурсов, краевые литературные встречи по губернаторской программе, активное участие во всех творческих мероприятиях края — всё это постоянная работа писателей, поддерживающая живой интерес к литературе. Активность писательской организации оценило по достоинству руководство края, оно выделяет значительную сумму на издательскую деятельность. Издан био-библиографический справочник «Писатели Алтая».

Несмотря на сложность существования и работы писателей сегодня, руководство писательской организации находит спонсорскую поддержку у таких руководителей, как директор Алтайкапиталбанка И. В. Германенко, директор Алтайского отделения Сбербанка В. Ф. Песоцкий, директор АКГУП «Индустриальный» И. М. Зырянов, член Совета федерации РФ Ю.В. Шамков. Эти руководители ценят литературу, понимают её значимость в развитии края.

В текущем году Алтайская краевая писательская организация СПР провела Межрегиональный поэтический фестиваль, посвящённый 50-летию юбилею Союза писателей России. Чтения, посвящённые В. Шукшину, этим летом открылись демонстрацией слайд-фильма «История Шукшинских чтений», а с 1 сентября по 1 октября по городу ходил «Поэтический трамвай», в котором в записи звучали стихи алтайских поэтов в авторском исполнении. В трамвае на стендах была размещена информация об алтайских писателях. Опыт работы Алтайской краевой писательской организации показывает, что творчество современников становится востребованным и значимым, когда писатели работают в прямом контакте с администрацией, библиотеками, музеями, школами. Огромный духовный, душевный, организаторский труд вкладывает в пропаганду литературы председатель писательского сообщества Галина Колесникова. И всё больше появляется предпринимателей, понимающих и ценящих роль литературы в воспитании личности и организации жизни. Алтай гордится своей литературой, эта гордость законна и подкреплена подвижническим трудом современников.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

ЕКАТЕРИНБУРГ

Литэкспресс «Москва–Владивосток» на Урале

29 сентября – 15 октября 2008г. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям совместно с Российским книжным союзом при поддержке ОАО «Российские железные дороги» провело широкомасштабную просветительскую акцию «Литературный экспресс». Цель акции — пропаганда и продвижение современной отечественной литературы и популяризация чтения в российских регионах.

Остановку в Екатеринбурге «Литературный экспресс Москва — Владивосток» сделал ночью 3 октября 2008 года.

В Екатеринбурге — крупном транзитном центре — произошла смена писательских бригад: прилетевшие на самолете Сергей Лукьяненко, Полина Дашкова, Валерий Воскобойников, Алексей Алехин в четыре утра сели на экспресс-поезд и отправились в литературный тур по нашей необъятной.

С этого же экспресса на уральскую землю сошла бригада «наших». — Те писатели, которые весь день 3 октября посвятили Екатеринбургу и екатеринбургцам. Подъем для всех в 9, а то и в восемь утра, превозмогая многодневную усталость, и направились в разные районы города.

Странствующие литераторы встретились с аудиторией культурных центров города. В штаб округа внутренних войск МВД поехал молодой прозаик Ильдар Абузяров, Уральский госуниверситет открыл свои двери для Анатолия Курчаткина, Театральный институт посетил Анатолий Королев. Встречу в Библиотеке им. В.Г. Белинского провел Максим Амелин, а в детской гимназии «Корифей» встретили долгожданного Артура Гиваргизова. Всего провели 10 встреч. Писатель-фантаст Василий Головачев провел автограф-сессию в книжном магазине, Сергей Белоусов провел встречу в Областной библиотеке для детей и юношества, Тамара Крюкова встретилась с ребятами из детского дома, Валерий Попов после посещения Межнациональной библиотеки с удовольствием прогулялся по улице родного Екатеринбурга. А для Евгении Добровой после встречи в герценке, Вадим Осипов устроил настоящую мини-экскурсию по уральской столице.

Затем, согласно долго составлявшейся и обговаривавшейся программе, — пресс-конференция, круглый стол и экскурсия.

По словам Алексея Алехина, главного редактора журнала «Орион», через него проходит много уральских авторов — и Олег Дозморov, и Ольга Славникова, и Игорь Сахновский. Уральская литературная школа достойно представлена в Москве. А как сказал Максим Амелин, Екатеринбург презентовал себя как воистину столичный город — и в плане организации мероприятия и в плане литературном.

Так, немножко суетливо, но все-таки продуктивно и празднично (сыграл свою роль прекрасный интерьер Дома актера, где проходили круглый стол, пресс-конференция, обед и ужин) прошла остановка Литературного экспресса в Екатеринбурге. А утром 4-го гости направились в Аэропорт и домой — впереди долгожданный отдых, а литературная эстафета, подхваченная следующей бригадой продолжилась. Следующая остановка — Красноярск.

Соб. информ.

МЕСТО ВСТРЕЧИ —
НИЖНЕВАРТОВСК

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 1

урало-сибирского региона, но и нашей страны. Это курганец Виктор Потанин, челябинцы Рустам Валеев и Николай Година, тюменцы Владислав Крапивин, Анатолий Омельчук, Николай Шамсутдинов, Николай Денисов, поэт из Магнитогорска Римма Дышаленкова и поэт-песенник из Муравленко Александр Овсянников, молодой белетрист из Перми Алексей Иванов, чей роман «Чердынъ — княгиня гор» вошел в короткий список «Национального бестселлера», известный ямальский краевед Василий Быковский, пермяки Алексей Решетов и Валентина Телегина, екатеринбуржцы Александр Мауров, Юрий Бриль и Евгений Пинаев...

Особой премией (посмертно) отмечены заслуги профессора Ивана Дергачева, посветившего всю свою жизнь исследованию творчества Мамина-Сибиряка. В числе лауреатов премии есть писатели Югры. Это знаменитая хантыйская поэтесса Мария Кузьминична Вагатова (Волдина), сказительница Галина Ивановна Слинкина, прозаики Николай Коляев из Ханты-Мансийска и Николай Смирнов из Нижневартовска, литературовед Юрий Дворяшин и поэты Петр Суханов из Сургута и Владимир Волковец из Советского, прозаик Сергей Луцкий из Нижневартовского района и один из основателей окружной писательской организации мансийский поэт Андрей Тарханов.

Согласно положения о премии имени Д.Н.Мамина-Сибиряка место проведения очередной церемонии ее вручения ежегодно определяется оргкомитетом. В этом году Всероссийская литературная премия им. Д.Н. Мамин-Сибиряка по согласованию с Главой Нижневартовска Борисом Сергеевичем Хохряковым будет вручаться в этом городе.

В Нижневартовск придут писательские делегации из 15 субъектов Российской Федерации. Помимо церемонии вручения престижной премии в эти дни пройдет немало интересных и значимых мероприятий. Состоится 9-я конференция Ассоциации писателей Урала, в которой примут участие Губернатор ХМАО А.В. Филиппенко, Председатель Союза писателей России В.Н.Ганичев, Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий и другие официальные лица. Будут встречи писателей с интеллигенцией города, учащимися и студентами, пресс-конференции, мастер-классы и многое другое. Остается выразить надежду, что все эти мероприятия надолго запомнятся и хозяевам и гостям, и внесут заметный вклад в духовную жизнь не только региона, но и всей России.

О писательском доме
замолвите слово...

Не так, любезный друг,
писатели богаты;
Судьбой им не даны

ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы,
великолепны залы.

Поэтов — хвалят все,
питают — лишь журналы...
А.С. Пушкин

Была у зайца избушка лубяная... Неожиданно вспомнился с детства знакомый сюжет. Какая связь? — вправе спросить читатель. В самом деле, никакого очевидного повода для столь странной ассоциации на первый взгляд не предполагалось. А между тем всё закономерно и вполне объяснимо (необъяснимо другое, но об этом чуть позже). Просто, когда просматривал предыдущие два выпуска, в глаза вдруг бросилось некое несоответствие в выходных данных, а именно: адреса редакции, а точнее, места дислокации Омской писательской организации, которая, наряду с региональным Министерством культуры, является учредителем журнала, с фактическим месторасположением или, если точнее — с создавшимся на данный момент положением. И вот тут (внимание!) начинается самое интересное. Дело в том, что вот уже три года писательская организация, а значит и редакция журнала, существуют — НИГДЕ. Да, в буквальном и несколько парадоксальном смысле этого неопределённого слова. Как в известной в семидесятых годах песне: наш адрес — не дом, и не улица, наш адрес... При всём желании точнее не скажешь, не продолжишь, на этом песня обрывается, потому что нет его — адреса.

В ноябре 2005 года состоялось переселение, точнее — временное выселение писателей со всем их небогатым скарбом: старенькие шкафы с облупившейся полировкой и отваливающимися дверцами, несколько расшатанных столов, стулья... Главная ценность — архив: протоколы, постановления, какие-то официальные письма, творческие характеристики и т.д. — своеобразная летопись почти сорокапятилетней истории омской писательской организации. Любопытные, надо сказать, документы попадались. Но подробно рассматривать времени не было. Распознающиеся кипы бумаг складывали в картонные коробки, в полиэтиленовые мешки, упаковывали, чтобы скорей вывезти весь этот... Здание надо было срочно освободить для предстоящего ремонта. Казалось бы, повод для радости — вот отремонтируют, вернёмся и заживём. Но, помнится, мне, как одному из участников этого исхода, было не до веселья, — грустно было, честно говоря. Грустно от непривычного беспорядка, от зрелища разорённых комнат: от вида зеленоватых обоевых лохмотьев, свисающих со стен, точно клочья шкуры неведомого зверя, пострадавшего в жестокой схватке, от ран, зияющих ребристой дранкой, напоминающей скелет какого-то большого животного. Слона? Мамонта? Какой-то неживой, неживой дух уже как будто вселился. И Пушкин (с портрета, когда-то висевшего на почётном месте — над

председательским столом, а теперь снятого и задвинутого в угол за коробки), казалось, с глубокой печалью взирал на это разорение. Его ведь тоже выселяют из дома, где столько лет...

Отопление включать уже не будут, электричества давно нет. На улице уже ниже нуля. Самому старшему и опытному из нас пришла в голову практическая мысль: «Надо не забыть: воду слить» — пророческая в каком-то смысле фраза. Кажется, слили... чтобы не разморозить систему.

Конечно, здание, — кстати сказать, имеющее статус архитектурного памятника, — давно требовало капитального ремонта. Дранный линолеум, скрипучие полы, падающая на головы штукатурка, протекающая крыша — это только внешние признаки, говорящие о необходимости принятия срочных реставрационных мер. Насколько известно, никто и не возражал. Как обычно в таких случаях, долго решались вопросы: Кто? Как? На какие деньги? Между тем, довольно длительное время писательская организация существовала в этих не слишком комфортных условиях. Проводились собрания, литературные семинары, обсуждения, встречи. Писатели, в отличие от обильно рекламируемых поп-звёзд, топ-моделей и прочей гламурной братии, обитающих в резервациях типа рублёвской, народ совсем неприхотливый. Было бы, где собраться, а повод всегда найдётся. Несмотря на разные взгляды, вкусы, пристрастия, в чём-то главное люди, занимающиеся одним делом, всегда — единомышленники. Всегда у них существует взаимный интерес. Для человека творческого общение с себе подобными — не роскошь, а жизненная необходимость, а отсутствие такового смерти подобно. Поэтому не разумные доводы, а скорее инстинкт самосохранения властно заставляет: сближайтесь, встречайтесь, объединяйтесь. Отсюда и тяга к общению, и союз, и родство душ в особо счастливых случаях. А условия... нет, конечно, дело важное, нужное, но не первостепенное. Хотя, понятно, если обстановка располагает, то и настроение соответствующее. Да, испытывали определённую неловкость, когда приходилось встречать коллег из других регионов — из Челябинска, Новосибирска, Кургана, Тюмени, Барнаула, Орла и т.д., не говоря о столичных гостях. Все какое-то время пребывали в некотором смущении, озираясь на окружающее убожество. «Куда мы попали? — читалось на растерянных лицах. — И здесь живут писатели?!». Не обходилось без обмена мнениями по этому вопросу, но всё это вскользь, между прочим. Люди тактичные — не заостряли на этом внимания, чтобы лишний раз не смущать хозяев. Да и не затем приехали за многие сотни километров, чтобы сравнивать интерьеры. Есть дела поважнее, есть, что обсудить, о чём поговорить помимо...

Так было. И как бы там ни было, но у писателей был Дом. А с ноября 2005 года его не стало. В одночасье полсотни членов Союза писателей, не считая молодых людей, посещавших литературное объединение, превратились в обманутых зайцев (остановимся на этом сказочном сравнении, дабы не опускаться до более реалистичных).

Нет, тогда ещё себя таковыми не считали. Несмотря на сложное чувство, вызванное вышеупомянутым переездом в НИКУДА, ещё была надежда, даже уверенность была, что через год-полтора вернёмся обратно и уже совсем с другим чувством отметим новоселье в своём старом новом доме. Но вот прошло уже три (!) года. Здание давно отремонтировано и, судя по фасаду, очень даже неплохо. Стоит такой сказочный, сахарный теремок. К нему даже новодел какой-то пристроить успели, несмотря на то, что памятник, законом вроде бы охраняемый и, что территория вокруг (её совсем немного) должна быть строго защищена от захватнических поползновений. Всё-таки исторический центр города. Но умеют... умеют некоторые с завидной лёгкостью обходить все преграды, препоны, законы, все бюрократические рогатки. Может быть, потому, что сами их и воздвигают, а потому знают все лазейки и пути обходные. В этом плане у творческих людей способности и возможности явно ограничены. Вот и находятся писатели по сей день в неведении: вернутся ли они в отремонтированный теремок? А если вернутся, то с кем жилплощадь делить придётся? И где — в каких коридорах, кабинетах, кулуарах этот животрепещущий вопрос решается? Или уже решился? Пока ответа нет. Или мы его не знаем.

Нельзя сказать, что и не пытаемся узнать, как-то повлиять на ситуацию. Полномочный представитель писателей, председатель омского Союза Валентина Юрьевна Ерофеева-Тверская с врождённой отвагой не красавской женщины всё это время бродит по пресловутым коридорам, пытается достучаться в высокие кабинеты, оборудованные бдительными секретарями. Но, увы, видимо, коня остановить на скаку намного легче, чем найти нужный путь в бюрократическом лабиринте. За очередным поворотом очередной тупик, очередная непробиваемая безликая стена. В отличие от обманутого зайца, бездомные писатели, судя по всему, так и не увидят персональное воплощение своего недруга — рыжую физиономию своего чёрного риэлтора. А хотелось, чтобы он, в конце концов, откинул своё бронированное забрало, и прямо сообщил бы пренебрежительное известие: так, мол, и так, братцы кролики, особенно этот в центре города — очень лакомый кусочек, а по сему не видать его вам, как своих ушей. По крайней мере, так было бы честней (если уместно здесь это слово). Хотя, скорей всего, такого зверя в природе не существует. Но чего только в голову не придёт за три года бесполезных надежд и ожиданий!

Безвыходные блуждания по мрачным этажам кафкианского «Замка» не отменяют построения замков воздушных. Мечтать, как говорится, не вредно. В самом деле, замечательная идея — создать Дом Литератора, чтобы под одной крышей находились обе писательские организации, существующие в городе, ну и, к примеру, книжное издательство. Конечно, это решение менее оригинально, чем намерение определить в соседях к писателям медицинскую комиссию по назначению степени инвалидности, но, думается, что оно наилучшим обра-

зом повлияло бы на состояние текущей писательской жизни всего региона, на взаимоотношения между членами альтернативных Союзов, а значит, и на качество литературного процесса в целом. Несомненно, что и Министерству культуры было бы намного удобней строить работу в этом направлении. Неужели идея чересчур утопическая, а «замок» слишком воздушный?

Возвращаясь к вышесказанному, замечу, что, исполняя редакторские обязанности, за эти годы на собственной шкуре успел почувствовать все «прелести» полулегального, так скажем, существования. Звонят потенциальные авторы (домашний телефон давно не секрет), некоторые с настойчивыми просьбами встретиться, чтобы передать рукописи. В лучшем случае удаётся уговорить переслать материалы по электронной почте. Но иногда звонящие — люди в возрасте, не имеющие понятия о таком способе связи. Тогда, «войдя в положение» (никак не могу усвоить форму и тон категорического отказа), приходится идти навстречу, то есть назначать свидание на нейтральной территории, к примеру, на площади имени Лицкевича, предварительно осведомившись о характерных приметах будущего визави. Все эти конспираторские подробности, напоминающие советские фильмы про шпионов, были бы забавны, если бы ограничились одним-двумя случаями. Далее это становится несколько утомительным. А ведь потом ещё приходится отвечать по поводу прочитанной рукописи, используя для этой нелёгкой процедуры весь свой дипломатический багаж. Ведь повышенная ранимость человека, занимающегося искусством, общеизвестна и, зачастую, обратно пропорциональна творческим способностям. Вот и выкручиваясь, выходя из «положения», в которое сам себя загнал. Хорошо, когда коллеги берут на себя предварительный отбор материалов, а значит и всё, что с этим связано. Понятно, что эта помощь проблемы не решает. Другое дело, когда автора можно было бы направить по адресу, где квалифицированный литературный консультант смог бы ответить на все его — «как», «зачем» и «почему».

Да, что я всё про «свои» трудности! Марина Александровна Безденежных, руководитель молодёжного литературного объединения при Союзе писателей могла бы поделиться богатым опытом бездомных скитаний со своими питомцами, опытом выживания без собственной крыши над головой. Могла бы вспомнить, как перед самым выселением приходилось проводить занятия в верхней одежде (воду уже слили) и при свечах (электричество отключили). Некий романтический ореол, безусловно, ощущался: вот так и раньше при лучине, при свечах... в век золотой поэзии... И Пушкин сквозь полумрак нетопленной комнаты, казалось, внимательно вглядывается в лица юных стихотворцев, с любопытством узнавая племя младое, незнакомое. Правда, на следующее занятие людей заметно побавилось. Не у всех организм выдержал «романтические» условия. Остались самые морозоустойчивые любители поэтического слова. Каких усилий Марине Александровне стоило сохранить эту «поросль», не бросить на произвол судьбы молодых и талантливых ребят, многие из которых за это время ярко проявили себя в различных литературных конкурсах, на местных и выездных семинарах. Когда-нибудь она сама об этом поведает.

Вообще же, и после «изгнания» жизнь не остановилась, в том числе литературная. Всех событий не перечислишь. Упомяну только, что за последние два года в Союз писателей были приняты Алексей Кривдов, Анна Ведерникова, Мария Четверикова, Зоя Ястребова. В свою очередь творчество старших коллег по писательскому цеху было удостоено всероссийского признания. 2008 год был особенно «урожаем» на премии. Татьяна Четверикова получила литературную премию имени Бажова (Екатеринбург) и Петра Ершова (Ишим), Владимир Макаров стал лауреатом премии Фета (Орёл), а Лев Трутнев премии имени Шишкова (Тверь).

В 2007 году омская организация Союза писателей России отметила своё 45-летие. Всё прошло на очень приличном уровне. Было много гостей из других регионов — писателей, для которых наш город был и остаётся одним из литературных центров страны, с которым у каждого связано много личного и творческого, о чём некоторые со слезами рассказывали собравшимся. Все остались довольны. Дом Актёра, музей имени Достоевского и другие места, где проходили праздничные мероприятия. Огромное спасибо руководителям, организаторам, участникам...

Если всё так хорошо, раз такие успехи, — заметит ехидный оппонент, — то можно вполне и без своего дома обходиться. Можно... и ничего страшного на первый взгляд не произошло, не происходит. Правда, ситуация несколько абсурдная, когда виновник торжества празднует свой юбилей в гостях. Подумаешь, мелочи! Никто и не заметил или сделали вид... Это с одной стороны, а с другой: всё, что происходит положительного, это скорей вопреки, а не благодаря имеющемуся «обстоятельству». Кто-то очень верно заметил, что нет ничего страшнее, когда ненормальность становится нормой, когда эта «норма» становится привычкой. Вот и мы привыкаем. Кто — «почти» привык, а кто и «совсем». Привыкаем бродить по гостям, слоняться по чужим углам. Привыкаем ко многому, к чему привыкать не следовало бы ни при каких обстоятельствах.

Уже не удивляемся, когда видим молодых мамаш, сидящих на лавочке, — детские коляски рядом, — и поочерёдно посасывающих — то пиво из горлышка, то сигарету, и увлечённо болтающих о своём, о девичьем, в то время как их младенцы дудонят свои соски. Представить «чистейшей прелести чистейший образец» в таком ракурсе!.. Или Наташу Ростову, которая, разгорячившись очередным танцевальным туrom, жадно припала к пивной банке, чтобы освежиться. Когда видишь подобные невесёлые картинки, то отчетливо понимаешь, что эти бедные девочки не прочитали в детстве каких-то нужных книжек, но зато успели, как губки, впитать рекламу какого-нибудь «Бочкарёва». Когда стали постарше, им никто не объяснил (про вред они знают и плевать им...), что смотрят они при «этом» не то что бы некрасиво, а просто уродливо. Хотя для многих уже привычно — привыкли к уродству, к абсурду. И не отдаёшь себе отчёта...

«Мировой рекорд по уровню самоубийств принадлежит Алтайскому краю!», — бодро, с каким-то необъяснимым воодушевлением тараторит смазливая деваха в телевизоре, анонсируя очередной «убийственный» репортаж. Таким праздничным тоном её коллеги не так давно сообщали о завоевании ещё одной олимпийской медали нашими

Все-таки бывали времена, когда писатели жили лучше. Домик М. Волошина в Коктебеле (фото А. Щупова).

спортсменами в Пекине. Что это? Простота, которая хуже глухоты? Погоня за жареным фактом, ради которого можно и по трупам с улыбкой пробежаться? Этот абсурдный ряд можно продолжить, стоит только оглянуться и внимательно посмотреть по сторонам. Но привыкли, не удивляемся.

Какая связь у подобных «явлений» с писательским домом или с отсутствием на данный момент такового? Увы, для кого эта связь после всего сказанного неочевидна, для того бесполезно выстраивать логические цепочки — не поможет. А что (кто?) поможет исправить ситуацию? Не знаю. Несмотря на утопические идеи, возникающие в процессе написания этого текста, спешу заверить, что у его автора не возникает никаких иллюзий по поводу «практической» сиюминутной действенности печатного слова вообще и данных заметок в частности. Тогда зачем?... Да вот захотелось и всё! И далее никому ничего объяснять не обязан. Есть такая привилегия у пишущего. Хотя можно ещё парочку иллюстраций для ясности...

Недавно в Москве улицу Большую Коммунистическую переименовали в улицу имени Солженицына. Что сказать? У членов соответствующей комиссии с чувством юмора и со знанием новейшей истории всё в порядке. Сие событие столичного масштаба только окончательно констатирует тот факт, что телёнок всё-таки забодал дуб, а Софья Власьевна в своё время дала дуба, во многом благодаря титаническим усилиям этого писателя. Так вот, поскольку с вертикалью власти у нас всё в порядке и многие инициативы по-прежнему идут из Москвы, не последовать ли нам примеру столицы? Взять и переименовать нашу просто Коммунистическую. Нет, не в Солженицына — это выглядело бы слепым подражанием и отдавало бы дурным вкусом. А переименовать, допустим... Пушкина у нас есть. Достоевского... его и так достаточно. А что если... Васильев?! Почему нет? Улица имени Павла Васильева — звучит. В русской поэзии имя исключительное, к тому же, можно сказать, наш земляк — из Павлодара родом. Кроме того, в 2010 году столетие со дня рождения поэта. Вот тогда и будет на нашей улице праздник! Уже на Васильева, 22, а не на Коммунистической. По улице с таким названием только в очередной тупик и можно зайти. Поэтому считаю, что предложение о переименовании не лишено смысла. Насчёт име-

ни можно ещё подумать. Иннокентий Анненский, к примеру, родился в Омске — поэт, без которого нельзя представить Серебряный век русской поэзии. А что? Иногда именно такие иррациональные ходы и срабатывают. Что-то меняется в окружающем пространстве, и жизнь начинает идти совсем по-другому — после долгой мрачной полосы вдруг начинает дарить тепло и радость, и веру в завтрашний день. Чуть не сказал: в «светлое будущее». Предупреждая упреки в предательстве «идеалов», довожу биографический факт: партийными пристрастиями, а тем более членством в партиях, никогда обременён не был и, надеюсь, уже не буду.

Вообще, история топонимики учит, что города, улицы предпочтительнее называть именами писателей, поэтов, художников, чем именами и кличками политических деятелей, а тем более, различными партийными съездами, годовщинами революций и пр. Всё-таки люди искусства, в отличие от политиков, ориентированы на вечные ценности, не подверженные политической конъюнктуре, их имена не возникают желания упразднить, срывать вместе с указательными табличками при очередной смене режима. Да и звучат они!.. Улица Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Согласимся, что Карла Либкнехта или Броз Тито — уже совсем не то.

«История принадлежит поэту», — по слову Пушкина. Предыдущие примеры только лишний раз подтверждают эту мысль. А жизнь самого поэта, его время, ставшее пушкинскими эпохой! Бедняга Бенкендорф — патриот России, государственный, умнейший человек, но вот перешел дорогу Пушкину и навсегда остался в памяти потомков злодеем и гонителем, и вообще не человеком, а карикатурой, олицетворением тупого жандармского: держать и не пущать.

Россия выбирает имя... Акция такая проходит. Люди голосуют. Круг претендентов сократился до дюжины. Первые три места соответственно: Невский, Пушкин, Достоевский. Имена достойные. Не случайно в тройке лидеров оказались два великих русских писателя. Но хотелось бы всё-таки, чтобы Пушкин был первым, поскольку он и есть «наше всё». И чтобы «наш» Пушкин, его портрет из пыльного подвального угла или из сырой темницы (где он там сейчас?) вернулся, наконец, во главу угла писательского дома, где, полагаю, и есть его законное место.

РАССКАЖИ МНЕ, КОЛОКОЛ...

Это слова из песни Евгения Бунтова — члена Союза писателей России, лауреата Всероссийских конкурсов военно-патриотической песни, директора екатеринбургского Культурного центра «Солдаты России». А еще — киноактера, композитора, художника, ветерана войны в Афганистане... Евгений Владимирович много лет плодотворно сотрудничает с Ассоциацией писателей Урала. Достаточно сказать, что он является автором эскизов логотипа нашей организации, медали «За служение литературе», дипломов премий имени Д.Н. Мамина-Сибиряка и «Урал промышленный, Урал полярный»... Сегодня Евгений Бунтов в гостях у «Большой Медведицы».

— Евгений, от тебя я впервые услышал термин «самооборона души». Расскажи, при каких обстоятельствах он возник?

Шла война в Афганистане. Я попал туда осенью 1985 года — по призыву, обычным 18-летним пацаном. Там и пробилась первые серьезные ростки творчества. Оказалось, что в экстремальной ситуации живая человеческая душа, защищаясь от различных внешних «негативов», способна своеобразно реагировать. Я это наблюдал достаточно часто: многие солдаты и сержанты что-то пытались сочинять, записывая строчки на обрывке сигаретной пачки, пели песни под разбитую гитару, где вместо струн была проволока от минных растяжек, кто-то выводил карандашом контуры гор и кишлаков в своём солдатском блокноте. Это творчество, на мой взгляд, было именно «самообороной души». Ведь многие после службы уже ничего не рисовали, не пели и не писали — изменились обстоятельства... Конечно, пробувалось в каждом то, что заложено было в нём изначально. Я оказался в числе тех, кто творит и по сей день.

— Как ты «заболел» желанием служить в ВДВ? Что дала тебе служба в воздушно-десантных войсках?

Как-то в 5 классе посмотрел художественный фильм «В зоне особого внимания». Посмотрел снова. Ещё и ещё — так 11 раз! Конечно, после этого уже не хотелось быть никем — только десантником! Но чтобы стать достойным ВДВ (именно так я мыслил!), нужно готовиться. Трудность воплощения этого замысла была для меня реальной, поскольку здоровье было средненькое. В школе и в техникуме, я был низкорослым, не особо дюжим пацаном (стоял в строю на физкультуре предпоследним). Имелось, правда, не детское упрямство, наверное, казачья фамилия сказывалась. Стремление попасть в ВДВ захватило буквально всю мою допризывную юность. Спортивное ориентирование, туризм, бокс, каратэ, прыжки с парашютом, культтуризм — чем только не занимался, спуску себе не давал. Собирали в специальный альбом информацию о парашютах, самолётах, о применении десантных частей, статьи, вырезки из журналов и тому подобное. Во всей округе заборы и стены были изрисованы моими «знаками» — маленькими парашютиками, некоторые живы и сейчас! Важно для юноши иметь достойную мечту, идти к ней, преодолевая себя. К призыву я вытянулся до 183 см, вес — под 90 кг, имел два спортивных разряда, силы — не меряно... Что же касается трудностей самой службы, то трудно было всегда. Особо тяжело пришлось в «учебке» в первые месяцы, когда десантная романтика улетучилась вместе с первым потом, как только нас стали гонять по полной программе. Плакали, проклинали всё. Недоедали, недосыпали, орали ночами от страш-

ных судорог в ногах, но утром вновь бежали кросс. Пути назад не было, точнее не было даже мысли, что такой путь может быть! Падали и поднимались. И выполняли поставленную задачу — любой ценой! Эта десантная «формула победы» сохранилась в сердце на всю жизнь! «Лучший в жизни ВУЗ — армия. Лучший факультет — ВДВ!» — это не я придумал, но согласен с этим на 1000 процентов! Уникальный опыт для мужчины, человека. «Спасибо!» — только это могу сказать и легендарному фильму, и своей мечте о ВДВ, и трудностям её воплощения. Оглядываясь, не жалею о пережитом. Всё было на своём месте. И радость, и горе — ничто не случайно! Всё, что я имею сейчас, как мужчина-десантник, как творческая личность — вся «база» сформирована и заложена десантными войсками и Афганом. Именно на этот «стержень», как в детской пирамидке, я нанизываю колечки своих лет по сей день. Спасибо, ВДВ! Спасибо, Афган! Не перестану благодарить вас...

— Орден Красной звезды, который ты получил — высокая боевая награда. Когда и за что ты её получил?

Раньше, отвечая на этот вопрос, я обычно рассказывал, как «накрывал» расчёт «духовского» ДШК, пленял моджахеда и прочее. Теперь, когда меня спрашивают об этом, в памяти встают сотни достойнейших парней, которые после Афгана не имеют на груди ничего, кроме «юбилеек». Встают в памяти горы разорванных «наградных листов», когда солдата лишили заслуженной боевой награды по каким-то дурацким бытовым обстоятельствам или просто по капризу командира. Поэтому, теперь, когда спрашивают о «Звездочке», я отвечаю: «...За то, что жив остался!». Это тоже правда.

— Тебе приходилось бывать и в Чечне. Что ты почувствовал, снова оказавшись на войне?

Переживал больше, чем в Афгане, факт. Взрослому мужику есть что терять, кроме собственной буйной головушки. Хотя на Кавказе я был не с автоматом, приказы командиров под пулями не выполнял. Ездил туда, так сказать, по своему желанию с шефскими

концертами. Нас пригласили выступить в уральских подразделениях МО и МВД. Гитара, гусли, казачья колёсная лира — вот, что было моим оружием. Но когда «вертушка» пролетала над руинами Грозного, каким-нибудь кишлаком или над горящими «духовскими» нефтескважинами, такой знакомый холодок сквозил по спине... В Чечне я был два раза: весной 2001-го, и весной 2003-го. Пел ребятам свои песни об Афгане и записывал песни солдат и офицеров, сочинённые на чеченской передовой. После этих «командировок» родилось много собственных песен и стихов — произошёл очередной прорыв в творчестве. Появился песенный диск «Русский дождик или Командировка в Чечню», как творческий итог этих поездок.

— Давай поговорим о твоей актерской карьере. Как ты попал на съёмки фильма «Груз-300»? Что в этой работе запомнилось больше всего?

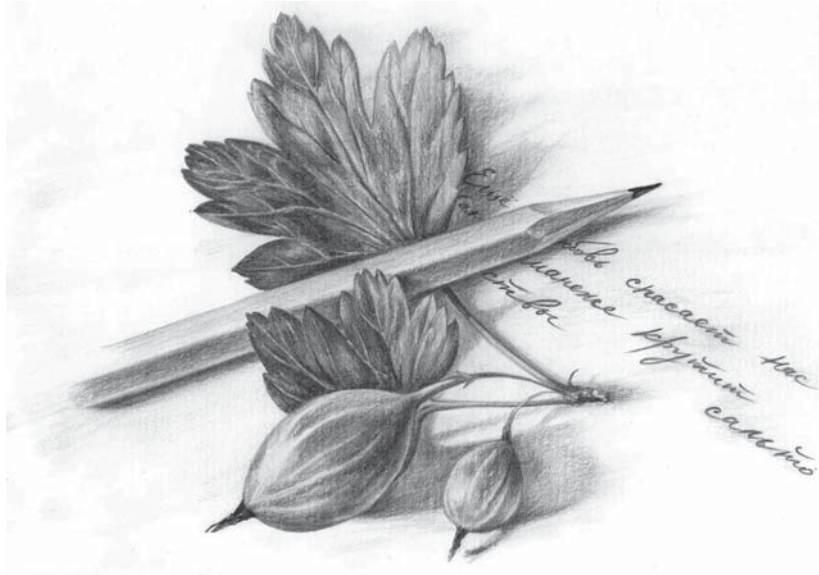
Заканчивался 1988 год. В Екатеринбурге (тогда Свердловске) в ДК «Урал» проходил «Вечер памяти». Мамам погибших вручали награды их сыновей. Группа «Голубые береты» осуществляла музыкальное сопровождение мероприятия. Во время концерта один из моих товарищей-«афганцев» Анатолий Знаменчиков отправляет из зала на сцену записку: «А у нас тоже есть «афганец», свои песни поёт...» Явно не собираясь прерывать ход концертной программы, «ГБ» продолжали. Но неугомонный Толик посылает ещё одну записку с таким же содержанием. Короче, не то на третьем, не то на четвёртом послании Юра Слатов зачитывает записку вслух и вызывает меня к микрофону. Стоит сказать, что я совершенно не готовился к такому повороту, при-

шёл на мероприятие с женой Натальей, настрой был совсем не песенный. Записки Толик инициировал самостоятельно (или сама судьба толкала его под руку?). Но, деваться некуда. Я взял гитару у Слатова и исполнил недавно написанную песню «Интернациональный долг». После концерта подходит ко мне режиссёр Свердловской киностудии Георгий Кузнецов (он оказался в зрительном зале) и говорит: «Песня ваша понравилась. Как бы нам её в картину взять? Мы фильм про Афган снимать намерены «Мост через реку Кунар»... Отдал, конечно, не жалко. Записали в студии песню для фильма (слова я по просьбе режиссёра немного поменял), а дальше Кузнецов отдаёт мне режиссёрский сценарий и говорит: «Со своими знакомыми «афганцами» просмотрите его. Всё, что считаете не настоящим — вычеркните, своё добавьте...» «Афганцы», работавшие в клубе «Десантник», внесли поправки, в итоге получился не «Мост...», а «Груз...», хотя основа сценария драматурга Месяцева осталась. Пригласили всех нас на фото- и кино-пробы. Каждому роль досталась: кому больше, кому меньше. Мне выпала роль сержанта Чебакова.

— Говорят, кино, как наркотик, затягивает. Не возникло ли у тебя желание сниматься ещё?

Желания сниматься после «Груза» не возникало, поскольку актёрских амбиций не имел (да и откуда им быть!). Ведь в «Грузе-300» я играл, в принципе, самого себя, поэтому сложности не было — всё шло в один дубль! Егор Кузнецов (режиссёр, ныне покойный) звал позже в фильм про Александра Невского, но я не пошёл — настрой был другой. Однако так получилось, что позже, а несколько лет работал на телевидении, делал авторскую программу «Давно закончилась война...». Съёмки было предостаточно, режиссёрской, операторской и монтажной работы — тоже. А в большом кино всё-таки сниматься пришлось. В 2006 году попал сразу в два фильма: научно-популярную картину об уральском собирателе былин Кирше Данилове (режиссер А. Морозов), в кадре пел под гусли его древнерусские стихотворения. Второй фильм — художественный: «Золотой полоз» по сказам П.П. Бажова (режиссер В. Макеранец). Скомороха там изображал, на гусли, смычке да волынке играл. Мелочь эпизодическая, конечно, но приятная мелочь оказалась. Музыкальные аранжировки народных наигрышей делал для этой картины. На сегодня имеются ещё кое-какие задумки и предложения.

— **Вернемся к поэтическому творчеству. Когда к тебе впервые пришло вдохновение?**

Ах, Оля Сокина — девочка с передней парты! Первый стихок я сочинил ей, будучи 14-летним пацаном, в нескончаемой разлуке летних каникул. Начитавшись Пушкина (по программе проходили), я и «родил» свой первый опус — уже забытые пару строф (их не читал никто!). Дальше и всерьёз — уже в Афгане: первая военная песня: «Какая разница, сержант...», первые стихотворные строчки — лирика... Как я уже говорил, творчество на войне — особого рода. Это форма самообороны души! Живая человеческая душа защищалась от окружающей грязи. Отсутствие специального образования не мешало. После армии я не помышлял о творческой карьере. После работы на авиационном заводе поступил в пединститут, занимался на общественных началах с курсантами в клубе «Десантник». Жизнь сама направляла меня в нужное ей русло. После выхода фильма «Груз-300» на экраны страны меня позвали в «турне»: мы, несколько «главных героев» и режиссёр, ездили по Кировской области. У каждого была своя копия фильма. Я вынужден был сделать 45-минутную песенно-поэтическую авторскую композицию об афганской войне. Перед каждым сеансом исполнял её под 12-струнную гитару, плюс о съёмках фильма рассказывал. Отрабатывал до 7 сеансов в день! Это был мой первый творческий (профессиональный — за деньги!) опыт. Вечером в гостинице я падал в койку без чувств, но, вернувшись домой, понял, что ничем другим уже заниматься всерьёз не могу. С этих самых событий 1989 года я отсчитываю свою творческую (сценическую) деятельность. В 2009 году ей будет 20 лет!

— **За эти годы ты преуспел во многих ипостасях, и все же кем себя считаешь больше: поэтом, художником, продюсером, актером или, может быть, кем-то ещё?**

Преуспеть я бы, наверное, мог куда больше, занявшись чем-то одним: продолжая рисовать, как художник-график или оставшись учиться в театральном институте (поступил как-то, было дело, да сбежал вовремя). Бить в одну точку в этом случае эффективнее. Но меня всегда привлекала универсальность, многогранность, тем более предрасположенность к этому была природная. С детства — на всю жизнь — в голове засело: «Настоящий мужчина должен уметь всё!» Служба в Афгане утвердила в этом понимании (освоил более десяти военных специальностей). Так шло

и после армии. Из Афгана принёс с собой очень важное ощущение смерти, то есть я постоянно, почти физически, чувствовал её над собой. Поэтому торопился жить и испытать все. Даже второго сына у жены принимал дома без всяких акушеров сам.

С годами, кое-что упорядочилось, что-то отпало само собой. Не изменился принцип: жить только творчеством, а не коммерцией, не чем другим! Если же называть приоритеты, то в общественной жизни я — руководитель Культурного центра «Солдаты России», член Союза писателей России, а в искусстве — больше компьютерный дизайнер. В музыке — скорее народный музыкант-мультиинструменталист, гусли. Но это «сегодня». «Завтра» может что-то измениться, хотя и не кардинально. Я стараюсь прислушиваться к жизни, пытаюсь понять, чего она от меня ждёт. Сам себя открываю, как книгу. Оказалось, что «там» дна нет. Я разрываюсь на части, не могу порой уделить должного внимания какому-то важному вопросу, какая-то серьёзная тема ускользает сквозь пальцы... Трудно. А по-другому не умею.

— **Когда и как возник Культурный центр «Солдаты России»?**

Идея Центра во мне вызревала годами. После армии продолжал сочинять, выступал на фестивалях, концертах, лез со своей гитарой, стихами и афганской темой во все дыры. Я видел, как много вокруг «афганцев»-поэтов, бардов, художников. Мне всегда было малоинтересно заниматься только собой, своим творчеством (всегда чувствовал себя малой частичкой чего-то большого). Решил попробовать собрать, обобщить хоть что-то из «культурного наследия» афганской войны, поскольку именно этот багаж, этот опыт мне кажется по сей день самым ценным (созидательным!). Всё остальное, во многом — боль... Сначала мы назывались — Творческая студия «Лица». В 1995 году я собрал в Екатеринбурге несколько бардов-«афганцев», нашёл мецената (тоже «афганца»), и мы записали диск «Афганский ветер-1». Студию арендовали у Саши Пантыкина (известный уральский композитор). Пошёл отсчёт нашим песенным проектам. Сейчас их более 60-ти, но с первого «Афганского ветра» официально отсчитывается время работы Культурного центра «Солдаты России». Позже вокруг КЦ объединились художники-«афганцы», было проведено более 30 выставок. Активно ведётся концертная деятельность, видеосъёмки документальных фильмов, многое другое.

На протяжении последних лет приходится немало работать в различных жюри: 5-6 фестивалей в год. Тут от оценок не отвертеться. На что я опираюсь в подобной работе? Прежде всего, на внутреннее чувство гармонии, элементарный художественный вкус, сформированный годами общения, слушаний, обсуждений и прочего. Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, поэтому удобнее работать коллективом единомышленников. А «судить» кого-то — самое неблагодарное в творческой работе.

— **Женя, роли в кино — это всегда известность. Трудно ли быть известным человеком?**

— Не знаю. Никогда им не был. Хотя, когда «Груз-300» по стране прокатывали, рикшомом зацепило: узнавали на улице и в общественном транспорте. Но это длилось не долго — фильм положили «на полку». Если бы я обитал в Московской округе, скорее всего, всё было бы иначе. Но — «где родился, там и содился». Екатеринбург — глубинка российская (хоть и с претензией на некоторый столичный понт). Я недавно поймал себя на ощущении: чем больше меня в разных жанрах становится, тем тише и незаметней мне хочется быть. Известность же в дружеском узком творческом кругу — не обуза...

— **Не могу не обратить внимание, что ты — единственный гуслиар на всю уральскую округу, большой знаток русских народных инструментов. Откуда появились в твоей жизни все эти варганы, казацкие лиры, гусли, жалейки и почему ты так тянешься к отечественной старине?**

Когда рухнула советская идеология и в армии, как во всём обществе, шла идейная неразбериха, я, уже, как руководитель Культурного центра «Солдаты России», естественным образом задался вопросом: а какие воинские традиции были у нашего воинства прежде? На чём веками держалась сила русских витязей? Какие песни прежде пели? На чём играли? Где корни нашей воинской культуры? Так возник у нас «народный проект» по возрождению русской воинской инструментальной традиции и много различных ответвлений от него. Эта древнерусская тема в КЦ живёт около десяти лет.

— **Как ты считаешь, современная воинская песня — это явление? Какое у неё будущее?**

Вообще о воинской песне я бы мог написать целую диссертацию (кстати, мне предлагали!). Вот, смотри: стоят по всей стране бронзовые, каменные изваяния — памятники солдатскому мужеству, подвигу защитников. У нас в Екатеринбурге на площади Российской армии мемориал «Чёрный тюльпан». А памятник солдатской душе? Где он? Помоему, это песня и есть! Будь то афганская или чеченская тема. В песне пульсирует живой эмоциональный нерв, сохраняется чувственный опыт, который заставит сопереживать любому, кто способен это делать. Песня передаёт боевой дух. Песня о войне легче воспринимается людьми, чем прозаический рассказ об этом же. Но, если сегодня это — эмоциональный и персональный слепок конкретного времени, в последующем — это память... Много слоёв и граней у воинской песни... Както в 2003 году ездил на годовщину 56-го ДШП в Камышин. Командир полка говорит: «Пополнение пришло очень трудное, попел бы ты им солдатских песен...». Я согласился: гитара была при мне. Усадили весь новый призыв в

клуб. Полтора часа я им пел песни о ВДВ, об Афгане и Чечне... После подходит КЭП и восклицает: «Ты не представляешь! Ты же мне работу целого политотдела на год выполнил!...»

— **Ты — цельный, состоявшийся человек. Есть ли люди, чей авторитет для тебя важен или даже непререкаем сегодня?**

Да, таких много. Нет смысла перечислять имена. Авторитет человека для меня складывается из поступков, которые он совершил, поднимаясь над самим собой, работая для общего дела. Сегодня мы все умеем жить для себя, а вот для других, для общей цели, как это было в Афгане... «Сужу о дереве по плодам» — всё просто. Хотя о «непререкаемости» авторитета — я бы не стал говорить так категорично. «В разведке каждый имеет право голоса!» — правильно подметил герой моего любимого фильма, гвардии прапорщик Волентир...

— **Какие качества в людях ты считаешь наиболее ценными?**

Верность. Преданность. Ответственность. Чуткость.

— **Чуткость — это что-то очень личное. Давай, поговорим о твоей семье. Она у тебя большая, что в последнее время — редкость. В чём, на твой взгляд, секрет семейного счастья?**

Нет универсальных рецептов и секретов для каждого. И все же, основа жизни — любовь. Это Дар. Не знаю, как Господь распределяет Его, но мне перепало. На войне это чувство, не имея возможности нормально реализоваться, копилось и достигло максимальной концентрации. По сей день живу на тех, военных, «запасах». Кроме того, в Афгане — было такое дело — меня здорово подводили те, кому я доверял... Памятуя об этом, я никогда такого сам стараюсь не допускать — ни с другом, ни с женой. Семейное счастье, это — со-творчество. Жертвенность — его стержень. Потом давно известно, что живой родительский пример — лучшее воспитание для детей. Жаль, что их у меня маловато, всего трое. Мне бы пяток — было бы в самый раз!

— **Какими ты хотел бы видеть своих детей в будущей, взрослой жизни?**

Старший, Андрей, уже шагнул во взрослую жизнь — в армии служит. Он попал по призыву в Тульскую дивизию ВДВ. Ему сейчас тяжело (звонил мне по сержантскому «мобильнику»), а отцовское сердце грустит и радуется, что династия десантников продолжается. Вместе с тем, я понимаю, что у каждого человека своя судьба, свой путь. Стезю детей я не ведаю. Пусть вырастут, кем должны вырасти: сыны — на-стоящими мужчинами, а дочка — настоящей русской женщиной, мамой счастливой! Вот бы сумели лучшие человеческие качества, которые мы пытаемся в них возвращать, по жизни пронести, не распылять на ухабах. А кем они станут — дело третье... Для себя хочу огромную кучу внуков!

— **В заключение нашего разговора, что бы ты пожелал своим соотечественникам, тем, кто будет жить в России XXI века?**

Мира всем! Если друзей — то верных! Если любви — то преданной! Если здоровья — то десантного! И будем помнить то, что мы пережили — ту часть истории, которая доверена нам. Нужно помнить, нужно рассказывать, писать, петь — сохранять и передавать. Храни вас Бог!

Беседовал Александр КЕРДАН

Литература: измерение вечности

Старинная мудрость гласит: если в городе умелые ремесленники, удачливые купцы, мудрый правитель — рано или поздно всё равно этот город рассыплется в прах. Но если в нём живёт поэт — город обретает свою вечность... Что же привносит в город литература? Каким образом в повседневности рождается вечность? Сегодня эти вопросы возвращаются к нам, поскольку ощущение сиюминутности существования, свойственное периодам кризисным и катастрофическим, постепенно вытесняется в России растущей уверенностью в настоящем и будущем, осознанием необходимости той самой вечности, в которой в идеале и должно протекать наше существование.

Юбилей города так или иначе требует прикосновения к этой теме — ведь она есть индикатор обжитости, освоённости, духовной обустроенности городского пространства. В рамках празднования 285-летия города Перми состоялось знаменательное событие — круглый стол «Пермь на литературной карте России». По словам организатора, председателя Пермского отделения Союза писателей России Татьяны Соколовой, причина внимания к проблеме ясна. Складывание новой российской государственности, нового общества требует от нации выбора не только своего будущего, но и прошлого. Заявленная тема — «Пермь: образ города в русской литературе XVIII–XIX–XX веков» определила направления обсуждения: «Пермь в исторических эпохах России», «Пермский макросюжет в литературных произведениях», «Литературные мифы города Перми», «Выразительность и своеобразие пермского языка в литературно-художественных произведениях». Сверхзадачей встречи литературоведов, писателей, библиотекарей, педагогов было проникновение в существо пермского бытия в его связанности с бытием России.

Во встрече приняли участие доктор филологии, известный литературный культуртрегер Владимир Абашев, автор известной книги «Пермь как текст», писатели Виталий Богомолов, Владимир Киришин, поэты Юрий Беликов, Игорь Тюленев, Юрий Калашников, литературный критик Владимир Якушев (Пермь), писатели Андрей Воронцов, Анатолий Королёв (Москва), доктор культурологии, писатель Александр Кердан (Екатеринбург), кандидат культурологии, поэт Нина Ягодинцева (Челябинск) и другие. Партнёрами проекта стали Правление Союза писателей России, Ассоциация писателей Урала, Объединение муниципальных библиотек, фонд «Юртин», пермское русское национально-культурное общество, издательство «Маматов» и Пермское музыкальное училище.

Среди уральских городов Пермь, пожалуй, одна из немногих стремится сейчас осознать своё бытие в связи с бытием России именно через литературу. Богатое литературное прошлое и яркое настоящее — результат не только и не столько стечения обстоятельств, но прежде всего — осознанная реализация и умножение духовного опыта, потенциала города в самой устойчивой и живой словесной форме. С Пермью связаны имена многих русских писателей, достаточно назвать только несколько имён: Бальмонт, Чехов, Осоргин, Каменский, Гайдар, Пастернак... Литературная современность

также представлена множеством ярких поэтов и прозаиков, но подробный разговор о их творчестве — задача более литературоведческая, чем культурологическая. В пределах данной статьи речь пойдёт скорее о значимости литературы в целом в современном городском бытии.

Русская культура по сути своей языкоцентрична, литературоцентрична. С точки зрения жизнеспособности и устойчивости культуры это немало важное достоинство. Осознание человеком собственного бытия посредством слова, литературы неизбежно влечёт за собой дальнейшее моделирование этого бытия, сознательное самосозидание и самосовершенствование личности. Если этот позвоночник культуры разрушить или (как это делается в современных информационных войнах) вынуть и чем-то подменить, культура исчезает или (что равносильно) перерождается, полностью изменяет свой духовный код.

Ещё с середины 80-х годов набирает силу мнение, что в России литературе придаётся излишне большое значение: она неправомерно заменяет историю, философию, социологию, психологию и многое другое. Но это взгляд с точки зрения западной культуры, для которой характерны сегодня распад целостного представления о бытии человека в мире и всё ускоряющаяся специализация гуманитарных наук, фрагментация жизненно важной для культуры информации.

Взгляд на общую ситуацию изнутри даёт совершенно другую картину: соединяя, «сплавляя» разрозненные гуманитарные науки в одно целое с воссоздаваемой реальностью бытия, литература делает понятным и пригодным к массовому повседневному применению колоссальный гуманистический опыт науки и воссоздаёт тем самым природную целостность человека, его лад с самим собой и с реальностью. С этой точки зрения наше следование опыту западной культуры влечёт за собой неизбежный регресс и даже распад культуры родной.

Литература как способ духовного освоения конкретного пространства выполняет сегодня роль мифа — с одной стороны, целостного бытия, сплавленного с реальностью, а с другой — вечного первособытия. Первособытие обладает достоверностью подлинника, его информационным и эмоциональным потенциалом. Логика первособытия такова, что если, например, именно в Перми, согласно легенде, жили прототипы чеховских «Трёх сестёр» — то теперь все три сестры «прописаны» там навечно, и город освещён и освящён их постоянным присутствием.

Миф воссоздаётся каждый раз и при обращении к литературному первоисточнику, и при прикосновении к городской реальности, улицам, зданиям. Внутренний мир человека — читателя, собеседника, горожанина или гостя — становится тем пространством, в котором миф реализуется, порождая жизненно необходимые чувства причастности и со-ответствия. Осмысление этих чувств непосредственно и значительно влияет на формирование личности самого человека. Первособытия накапливаются, наслаиваются друг на друга, формируя неповторимый культурный образ (и облик) города, его локальную вечность. Создание мифа города есть создание

его собственной уникальной вечности, которая не только переживает своих создателей, но и хранит, аккумулирует их духовный опыт, и тем самым моделирует, предопределяет настоящее и будущее. Неразрывность времён, накопление духовного опыта — не это ли единственная возможная гарантия устойчивого существования человека и шанс возрождения после неизбежных катастроф? И наоборот — разрушение, прекращение этого опыта, смена культурного кода — не есть ли способ погружения в катастрофичность и неизбежного уничтожения самого бытия?

Существенное отличие литературы от мифа состоит прежде всего в том, что возникновение мифа преимущественно спонтанно, а литература созидает свою вечность, своё сиюминутное «всегда» осознанно. Она осуществляет целенаправленный отбор моделей реальности, их тщательную разработку, она может демонстрировать логику развёртывания событий в негативном ключе (как предостережение) и создавать позитивные модели, проектировать и предупреждать... И этот созидательный опыт, накапливаемый в пространстве города, переоценить невозможно. Именно на него человек может опереться, выстраивая себя, свою деятельность, будущее своих детей.

Помимо литературы есть ещё и музыка, и живопись, и архитектура, и театр... Но литература была и остаётся (пока действует духовный код родной культуры) основой, главной носительницей смыслов бытия, она плотно соприкасается с быденной реальностью, легко переходит из письменной формы в изустную и обратно, она создаёт как внутренний облик города — представление о нём самих горожан — так и его внешний образ, представляя город как значимую часть культуры региона, страны, мира.

Литературная «обжитость» города, наличие устойчивого культурного опыта так или иначе требует от человека достойного со-бытия и со-участия, продолжения созидательной работы. Уже одно это изменяет качество личности. В идеале данный факт должны осознавать не только филологи, педагоги, библиотекари, но и руководство каждого города, заинтересованное в устойчивом последовательном развитии. Никаким имиджмейкерам, сиюминутно готовящим «товар» «на продажу», не под силу создать точный, выразительный и действенный образ города так, как его постепенно, трудно, но результативно складывает настоящая литература.

Живой диалог на заявленную организаторами тему вызвал бурную дискуссию, затрагивающую и судьбу исторических зданий и литературных мест города, и перипетию современного литературного процесса, и общекультурные вопросы... Разговор получился «обо всём», как, собственно, «обо всём» размышляет и рассказывает сама литература.

Опыт Перми по осмыслению бытия человека в конкретном пространстве — географическом, историческом, вербальном — в определённой степени уникален и заслуживает особого внимания ещё и потому, что он практически непрерывен, и исторические «наслоения» в нём взаимосвязаны. В этом участников встречи убедили и экскурсия «Пермь литературная», и слайд-фильм на ту же тему, и представление первой книги

(Александр Кердан) из серии «Библиотека российской поэзии», которую начало выпускать издательство «Маматов», охватывая уже не только Пермь, но и весь Урал, а в перспективе — Россию. Литературная современность сформировала в многовековом духовном пространстве Перми особый пласт.

В частности, в прозе Татьяны Соколовой ярко выразилась лирическая составляющая пермского мифа, его чаемое развитие и продолжение — в соотноении с буднями городков и посёлков, для которых Город — мечта, существующая, но не воплощённая до конца, исполненная высокой поэзии и трагизма. Иной сюжет в повести поэта, лауреата литературной премии им. П.П. Бажова 2007 г. Юрия Беликова «Имба-колесница», опубликованной красноярским журналом «День и Ночь». Беспощадная современность, в которой всё возрастает цена на мифы и имиджи и всё дешевле становится сама жизнь, безнадежно проигрывает в диалоге с настоящей, исконной, возвращённой веками духовной реальностью, её героями, знаками и символами.

Одним из финальных эпизодов встречи стало выступление группы молодых уральских авторов «новой» поэтической волны — как раз то поколение, которое сформировалось в значительной мере в отрыве от русской литературной традиции, на границе XX и XXI веков. Проблему «отъединённости» от корней литературная молодёжь решает сегодня по-разному: кто-то берёт на себя смелость соединить в себе, собой разорванные времена, кто-то вообще объявляет начало новых времён... В любом случае очевидно: оказавшись вне спасительной оболочки мифа, обжито-го духовного пространства, молодёжь тут же стремится вернуться в него либо создать его заново, на пустом месте, из собственного опыта — а иногда и ценой собственной жизни, поскольку в безвоздушном пространстве жизни нет...

Сегодня литература Перми продолжает достойно выполнять свою задачу, несмотря на то, что далеко не все обстоятельства этому благоприятствуют. Жизненно необходима возможность более активного выхода к читателю, широкое обсуждение философских и социально значимых проблем, своевременно должны выходить в свет произведения поэтов и прозаиков, должна быть возможность литературно-критического осмысления этих работ... По нашим ощущениям, в этом городе писательскими трудами создаётся и сохраняется главное: особое качество мироощущения, нахождение в ореоле литературы как в постоянном и достоверном первособытии. В этом уникальность Перми в общероссийском контексте, в этом её устойчивый потенциал.

Нина АЛЕКСАНДРОВА

«ВСЯ ЖИЗНЬ В ОДНОМ ГОРОДЕ...»

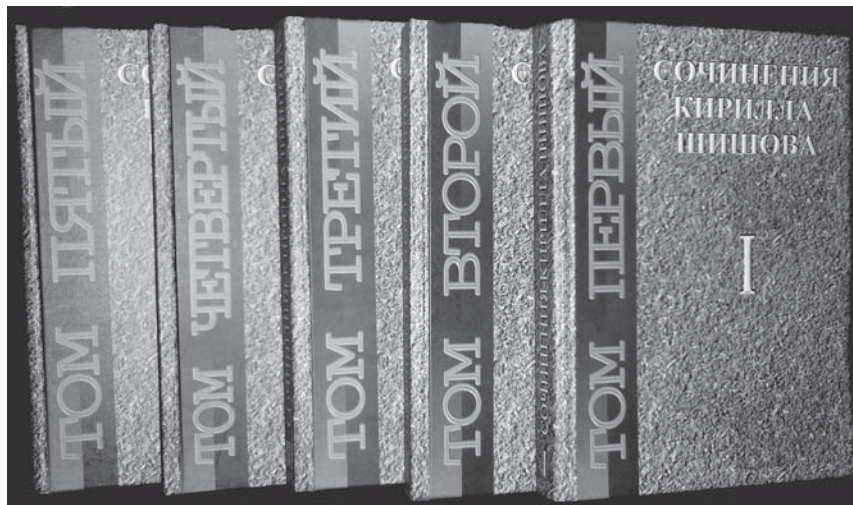
Этой вводно-оправдательной фразой открывается первый том пятитомного издания «Сочинений Кирилла Шишова», известного уральского писателя и общественного деятеля, лауреата Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Так однолюбам оправдываются перед верхоглядами, так поясняют они свои необъяснимые пристрастия к людям, земле, стране, веку... «Труд оседлого человека», как пишет далее автор, человека, родившегося на границе двух частей света, в стране, всё время идущей по грани катастроф и открытий, — такой труд не может не подниматься до обобщений глобальных, поэтических, космических. Иначе остаются совершенно необъяснимыми ни истоки человеческих характеров, ни перипетии судеб, ни сама история Родины.

Достоверный духовно-исповедальный опыт, ставший основой пятитомного литературного труда писателя, включает и прозу, и поэзию, и публицистику, в которых легко узнаются черты нашего времени. Вообще выпуск подобного собрания сочинений сегодня — довольно рискованный шаг. Ведь из нашего обихода почти исчезло медлительное всматривание, вдумывание в жизнь, мало того — ставится под сомнение сама необходимость рефлексии, глубокого осмысления явлений и событий. Всё движется с огромной скоростью мимо, едва задевая нас, а если задевает — чаще всего корёжит, расплющивает, уничтожает. Нам некогда подумать о том, что неосмысленная жизнь очевидно опасно непредсказуема, чревата подманами и спекуляциями, ловушками и катастрофами. И то, что терпеливо, последовательно, десятилетиями отслеживают писатели в повседневной жизни, просеивая незначительные мелочи — труд великий и неоценимый.

Книги Шишова показывают пример глубокой, подробной рефлексии, осмысления жизни в самых разных литературных жанрах — от повествовательных полотен до поэтических взлётов, от прикладной публицистики до лаконичных лирических эссе. Писатель выполняет свою задачу, как и полагается ему «по должности», то есть по душевному и духовному призыванию, вопреки стремительно мчащемуся времени; он берёт нас за руку, останавливает, показывает: смотрите...

«...Вот эта церковь... Мера её — человек, его рост, его взгляд, обращённый к Богу, к алтарю, его распахнутые руки, подобные распятому на кресте... Нигде не нарушена эта пропорция. Поищите её в великокняжеских соборах, во всей петербургской гигантомании — там иные меры, иная цель. Там человек должен трепетать перед величием, склоняться ниц перед государством, царём, Богом... А эти скитальцы (*строители церкви — Н. Я.*) остались самими собою в таёжной глуши. Золотое сечение, мастерски найденное соотношение — и вы полны доверия к природе, к себе, не унижены и не подавлены...»

Кириллу Шишову посчастливилось соединить и осознать в своей жизни несколько, казалось бы, несоединимых сфер деятельности — это, как он пишет в предисловии, строительство, труд на земле и литература. Редкая удача, ибо многие пишущие ориентируются преимущественно на внутренний духовный опыт, и интравертная их установка, с

одной стороны, помогает состояться, но с другой — является причиной крайне острых конфликтов с действительностью. Шишов выбрал иную творческую установку — более рискованную, испытывающую личность «на разрыв». Он попытался соединить в себе всё, что предложила ему жизнь, он осмыслил это не просто как данность, но в обобщающем единстве — такое под силу только поэту. Не случайно, говоря о впечатлениях молодости, он упоминает о потрясённости, растерянности, отчаяния, оглушённости... А позже — о мудрости, волшебстве, преклонении!

Ранние повести: «Записки Вахони-на», «Политехники» и «Золотое сечение» — вошли в первый том. В них очень много автобиографического — не буквально, но поэтически, и сама проза пронизана музыкой — музыкой тоски и света. Сюжеты рассыпаются на подробности, описанные просто и достоверно, и движутся не переменной событий, а переменами во внутреннем мире героя, глубоко рифмующегося с автором.

Малая проза, включённая во второй том, новеллы, рассказы и эссе, по тону составляет единое целое с «большой прозой», но это более широкое прозаическое полотно, не ограниченное сюжетной линией, сюжет здесь — сама жизнь. Записки почти дневниковые — они бы и остались такими, если бы не исповедальность, о которой мы сказали вначале. Вот пасхальное чудо: у героя новеллы забарахлила машина, на помощь ему пришёл некто Василий, а когда машину дотолкали до автосервиса и добровольный помощник ушёл, герой обнаружил отсутствие портфеля, в котором самой ценной вещью был дневник... Безуспешные поиски — Василий как сквозь землю провалился, — и вдруг портфель обнаруживается в боксе у машины: сам герой выставил его там, а потом забыл, захлопавшись... «Господь вернул мне в Пасху моё сокровище, Господь дал мне хорошего бескорыстного человека и он же испытал меня на малодушие и подозрительность. Все выдержали испытание, кроме меня...» История мнимой обиды на мир и людей оборачивается осознанием собственного малодушия... Дорогую в наше время стоят подобные «перевёртыши» — а ведь на них-то одних и держится жизнь все её чудеса и радости.

Третий том представляет стихи. Несмотря на оговорки в авторском предисловии, этот том не только не выпадает из художественной цельности собрания — он продолжает линию исповедальности, открытой дневниковости. Стихи для автора — то же ежедневное осмысление жизни, но словно на иной

высоте, тогда, когда волнение души естественно становится поэтической речью. Они сотканы из простой ткани, из разговорной речи, и сопровождают жизнь автора, как птицы, прочерчивая воздух крыльями на уровне чела. Есть поэты, которые поражают глубиной прозрений, но на тех высотах, которых они достигают, человеку нельзя быть постоянно — это мир горный. Поэзия Кирилла Шишова — из ежедневности. Вот стихи о матери: «А мне дано лишь воскрешать / Её на память, как бывало... / Лишь лягу вечером в кровать, / Она поправит одеяло. / И, кремом руки растеверев, / Мне молока приносит чашку, / На плитке с маслом разогрев / И сахар положив в поблажку. / И эту детства теплоту / Дону странно помнит тело, / Как наслаждения мечту / Хранит мой разум неумело...» Две песни в стихах завершают третий том. Пьеса «Екатерина III» представляет фрагмент русской истории, она посвящена подвигу, совершённого императором Александром Павловичем Романовым в Отечественной войне и в последующем за ней освобождением Европы. Автор призывает читателя: «Всмотримся зоркими глазами в те дни, о которых так ошибались даже такие гении наши, как Пушкин и Толстой... Дни Славы русской нравственности перед лицом лицемеров и двоесердных политиков Европы. Это потребно для нашего возмужания как свободных людей и патриотов». Вторая — «Кровь и деньги» — посвящена памяти Марины Цветаевой, однако действие её происходит в «продвинутом городе России в последний год XX века».

Четвёртый том представляет рассказы об Уральском крае, описание «Нравы Челябинца» и исторические новеллы, «научно-художественные», по определению самого автора, произведения, раскрывающие «тайны личности в сцеплении с особостью судьбы Отечества»: «Я продолжаю думать, что в этом мире нет неизблемых истин и человек сам творит свою историю. Но я знаю, что кое-что в мире всё-таки неизблемо, и это — боль земли, которая взыскует к человеку. В этом мире самое хрупкое и истощимое — вовсе не ресурсы, а доброта... Ты усмехаешься: дескать, что это значит — спасти доброту? Но я прокричу изо всех сил: это значит не калечить землю, это значит не искать от неё свободы вдаль, это значит впрягаться в лямку предыдущих поколений...»

Последний том — публицистика. «Урал в судьбе России» — взгляд на историю родного края с поэтической высоты, «Последний князь» — беседы с Леонидом Оболенским, статьи-реплики в ответ на события быстротекущего

времени, множество портретов наших земляков и современников.

Подводя итог краткого обзора, нужно сказать: особая ценность издания заключается в том, что малая родина писателя — Челябинск, Урал — ощущается и осознаётся как часть целого Отечества и всей Земли. Эта духовно-нравственная установка, позиция становится всё более актуальной и востребованной в наши дни. В принципе, именно она должна стать стержнем патриотического воспитания молодого поколения, соединяя в себе не только гордость за родной край и ответственность за его будущее, но и способность осмысливать его глобально во времени и пространстве, соединять в себе, в своей душе открытость и внутреннюю силу, способную противостоять разрушительным тенденциям.

Шишов иронически называет себя в предисловии «наивным провинциалом-однолюбом», но за этими словами кроется глубокая мудрость человека, прожившего в родном городе долгую жизнь, не однажды пережившего времена строительства и разрухи, полной растерянности и радостной уверенности в завтрашнем дне... Это тот самый опыт, который сегодня, в момент укрепления общества и государственности, имеет огромное воспитательное значение для молодёжи.

Глобальные перемены происходят сейчас не только в общественной жизни, переосмысливается сам образ Урала в контексте как страны, так и всей планеты. И Кирилл Шишов создаёт свой, уникальный поэтический образ «огромной терры Южного Урала». Урал для писателя — это не только и не столько индустриальный край, к которому привыкли мы сами и все вокруг — это сердцевина, хребет особого мышления, особой философии, способной соединить западное и восточное мировоззрения и мирно снять, устранить кричащие и кровотокающие противоречия современного мира.

Примечательно, что эта философия тонко, точно, поэтично растворена в быте, она не декларируется громкими тезисами, а прямо проступает в судьбах, поступках, сюжетах и образах пяти томника, она влита в само бытие человека на Урале. Такая форма подачи глубоких идей как нельзя более подходит именно для воспитания молодого поколения, которое открыто противится любой дидактике, но инстинктивно ищет для себя достойные примеры понимания, поведения, построения жизни. А таких в пяти томнике множество, и в первую очередь это сам лирический герой всех повествований, тонко и точно прослеживающий связь быта и вечности, идей и реальности.

Подводя в собрании сочинений своеобразный итог большого этапа жизненного и творческого пути, Кирилл Шишов остаётся удивительно современным в лучшем смысле этого слова. Современность его не в кричащих сюжетах и экстравагантных способах выражения, но в том, что живой опыт автора созвучен духовному поиску молодого поколения. То, что пережито, становится повествованием, а в свою очередь записанное чистым и поэтичным языком, напрямую влияет на саму жизнь, делает её осмысленной, глубоко продуманной и осознанной, то есть устойчивой, без катастроф и срывов.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Сочинения Кирилла Шишова в 5 томах. Челябинск. Издатель Татьяна Лурье, 2005–2007 гг.

ОТ УРАЛЬСКИХ ГОР ДО ТИХОГО ОКЕАНА

Простирается пространство новой поэтической антологии, подготовленной авторским коллективом под руководством председателя Кемеровской областной организации Союза писателей России Бориса Бурмистрова.

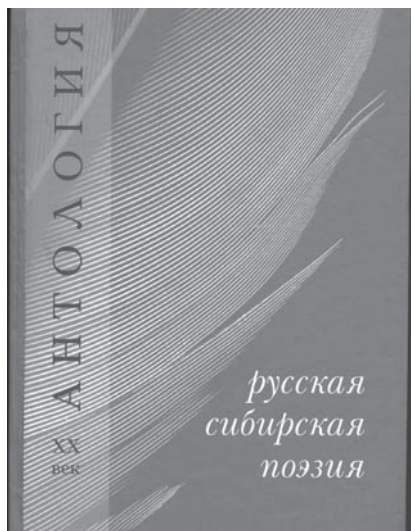
Как заявляют в предисловии сами составители, они попытались реализовать давнюю мысль кемеровских поэтов, озвученную на рубеже двух тысячелетий на Литературных встречах, которые собирал Виктор Петрович Астафьев. Идею антологии тогда Астафьев одобрил и благословил. Ее поддержали поэты, библиотекари, учителя литературы из многих сибирских регионов. Клич был услышан и на Дальнем Востоке, а после вхождения кемеровчан в АСПУР, к антологии присоединились и поэты Урала.

Сбор материала для книги продолжался более пяти лет. И столь долгая и кропотливая работа свела под одной обложкой многих известных и неизвестных поэтов русской провинции. Они, как тот самый «лед и пламень», сошлись, независимо от национальной и цеховой принадлежности, самим этим фактом подчеркивая, что на Руси, независимо от географии и «раскрученности» всегда жили и продолжают жить настоящие поэты, те, кого объединяет «великий и могучий русский язык». В антологии и сама провинция предстает, как хранительница русского языка, собирательница лучшего поэтического наследия Сибири за прошедший век.

Фолиант действительно вызывает уважение и объемом (480 страниц), и составительской работой (445 авторов!), и оформлением. Одно печально — до обидного мал тираж: чуть больше тысячи экземпляров. Но и он стал возможен только при финансовой поддержке Губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева и сорока других меценатов.

Остается надеяться, что хотя бы часть из них попадет в крупные региональные и столичные библиотеки и хотя бы так будет доступна для широкой читающей публики.

Александр БОРИСОВ
Русская сибирская поэзия. Антология XX век. Стихи. — Кемерово, 2008 — 480 с.

ЧЕЛОВЕК И КНИГА

Новая книга директора Библиотеки РАН (БАН) В.П. Леонова — не сухая специальная монография, интересная только библиографу. Перед нами почти художественное по стилистике и вполне философское по уровню эссе о книге — о сущности ее феномена, о ее месте в мире и в науке, о том, как меняется книга и работа с ней со вступлением человечества в эпоху так называемого «информационного общества». Свободное и ассоциативное изложение переходит от собственно библиографии к теории информации и научного поиска, психологии, философии и книговедению. Главная цель В.П. Леонова — не разграничить гипотезы, которые он считает важными, и цитаты, которые ему кажутся малозначимыми, но создать пространство проблем и идей, которое позволило бы читателю не только следовать за мыслью автора, но и свободно уклоняться от заданного изложением направления, находя новые, интересные ему повороты и аспекты проблем, а щедрые цитаты всегда позволяют читателю уточнить исходные посылки. Кстати, у издания есть не только обширный комментарий, составляющий более пятой части тома, но и хороший указатель имен.

Наверное, кое-кто из читателей вздрогнет, увидев в содержании главы «Книга как космический субъект» и «Книга как врожденная программа человека». На деле они представляют собой чрезвычайно содержательный анализ целого ряда теорий книги, основанных на феноменологическом подходе. Как справедливо заметил сам автор, «можно соглашаться или не соглашаться с В.И. Вернадским, П. Тейяром де Шарденом, Н.Н. Моисеевым, В.А. Лефевром, К. Поппером, но игнорировать их концепции уже нельзя». И хотя лично мне некоторые постулаты, кажутся недостаточно обоснованными, но вывод чрезвычайно интересен: автор предлагает ввести понятие «книжности» (по аналогии с «музыкальностью»), как совокупности способностей человека работать с книгой как объектом культуры, включающей в себя эмоциональную и интеллектуальную отзывчивость к книге, «способность эстетически переживать наслаждение книгой». Я бы только к двум видам книжности, выделяемым автором по профессиональному признаку — библиографической и библиофильской книжности, — добавил третий вид, книжность издательскую. Увы, слишком часто приходится брать в руки книги, сделанные людьми, книжность которых осталась неразвитой, невоспитанной и необученной. Уж если продолжать сравнение с музыкой, то наши библиотеки полны томами, больше всего напоминающими великие симфонии, сыгранные людьми без слуха, которые впервые увидели инструмент только во время записи...

Во вторую часть включено обширное эссе видного английского собирателя и коллекционера Колина Франклина, написанное по просьбе автора специально для этой книги: профессионально рассматривая вопросы библиографии, автор уступает вторую часть — библиофильство — более компетентному единомышленнику.

Андрей ЯКУБОВСКИЙ

В.П. Леонов. Besame mucho: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. — М., Наука, 2008. — 268 с.

Привыканья полдень зыбкий...

Едва ли когда-нибудь мы сможем себе ответить, откуда в нас эта потребность превращать речь — в стихи, а жизнь — в песню. Она так же естественна для нас, как дыхание, любованье и печаль. И не дай Бог утратить её — уйдёт и жизнь, но сначала оскудеет, опустеет, покроется кровотокающими трещинами... И поэтому стихи сопровождают нас постоянно, проноса высокой волной над разверстой бездной, аукая в дремучих заблуждениях, по-матерински убаюкивая в слезах. И хотя до сих пор ещё вспыхивают споры о женской поэзии, о самом её праве на существование, русская женская лирика неизменно хранит и продолжает спасительную традицию. Книга избранных стихотворений Галины Колесниковой «Ореховый Спас», изданная в Барнауле, напрямую соотносится с этой традицией. Сезон зонтов и глаз печальных. Грибной сезон.

Весь в капельках сентиментальных газон.

Сезон умолкнувшего сердца, повалых бед...

Но мне глядеть — не наглядеться на этот свет!

Только женщина, наверное, переживает боль в такой чистой и наивной последовательности: зонт, глаза, которые в дождь всегда увлажнены и смотрят мягче и выразительнее, капли дождя на траве — и лишь потом пронзительное молчание сердца, а восклицательный знак в финале — скорее заклинание, чем утверждение.

Поэзия Галины Колесниковой выполняет истинную миссию: сопровождать быт, оберегать его, примирять с ним, преобразовывать его в не-бытовое. Это стихи-разговор, неторопливое проговаривание своих мыслей вслух: проговорённая, мысль становится явной, явленной.

Улетят журавли

из моих невозвратных краёв.

О потерянных днях

на прощание мне прокурлычут.

Ни беды и ни радости мне не накличут...

Нет. Они о своём, о своём, о своём.

Но не только о птичем...

Последняя строка открывает нам пространство — кажется, что неба, но оказывается — другого неба...

Есть странная закономерность в мироощущении поэта: он появляется с ощущением некоей вести, которую он должен обязательно донести, и это вестничество в нём постоянно заставляет вести речь, ибо адресата он ещё не знает, да и знает ли адресат, что его разыскивает — весть? В юности вестничество особенно сильно и пронзительно, поэт живёт, не ощущая под собой земли, но к полудню жизни он постепенно понимает, что весть — не столько стихи, сколько всё его бытие. Галина Колесникова нашла точное выражение для этого возраста-состояния: «Привыканья полдень зыбкий...»

Речь для Колесниковой — родная стихия. Иногда поэтическая мысль настолько требует повторения, и это неподдельное удовольствие автора от произнесения найденных слов, от их музыки, мягко передаётся читателю:

Вздрыгнула снежная нить

Заиндевелой берёзы...

Как это трудно — любить —

И улыбаться сквозь слёзы!

Переживание здесь обозначено пунктиром, штрихами, между которыми

пространство невыразимого. Поэтесса не ставит себе целью выразить то, для чего нет слов — она словно переходит с берега на берег по плывущим льдинам, одновременно твёрдым и опасно обманчивым.

Я живу — как будто плачу, как причёты вывожу.

Где я? Кто я? Что я значу?

Что узнаю? Что скажу?

Кто, судьбу к судьбе ревнуя,

трижды на закате дня

к жизни горьким поцелуем

припечатывал меня?

Стихи эти просты, как проста, наверное, бывает и сама жизнь, если постоянно слушать её музыку и не срываться в хаос. Иногда они проговаривают и проговариваются:

Я как в смиренной рубашке,

как в трижды проклятой тюрьме:

Сказать не то — до дрожи страшно,

но и смолчать — преступно мне.

Стихи Галины Колесниковой пронзаны мироощущением, трагическим до отречения и приговора, и совершенно ясно: ей нельзя без музыки, без стихов. Ей не до изысканных оборотов, не до отточенной звукописи: это как раз то состояние, когда боль сама выпевает слова. Высказанное — отпущено, и душе становится легче... Но это автор, а читатель? Для читателя со-переживания столь же целительно, ведь даже в пространстве времени эта боль узнаваема... Часто даже нехитрую житейскую мудрость автор рифмует из простого удовольствия вернуть ей музыку — и она тоже становится стихами.

Поэзия переживает разные эпохи. Иногда для неё остро актуален поиск нового, иногда же напротив — жизненно важно сохранение традиции. Видимо, в наше время, когда от поэзии публика настойчиво требует нового, «этакое», необычного, главной задачей становится именно сохранение традиции во всех её проявлениях. А сердцевина поэтической традиции, её нерв — это неразрывность переживания и его выражения, естественная цельность и соразмерность мыслей, чувств, ощущений... Образы в традиции приходят естественно, рождаются сами:

Себя корю. К себе зываю:

«Смотри, как мёрзнут снегири,

как закольцованы трамваи

и как незрячи — фонари!

Смирись и ты со всем, что было,

как с тьмой давно смирился свет.

И смерть люби, как жизнь любила,

не требуя любви в ответ».

Парадоксально спасительны последние две строки этого маленького стихотворения, и родиться они могли только сами, только на поэтическом выдохе, это утверждение алогично, но эмоционально удивительно точно, а вслед за сильным чувством рождается иная логика, нелинейная, небытовая...

В выражении подобного мироощущения всегда существует опасность соскользнуть в быт, пройти по поверхности чувств, вывести бытовую мудрость из трагедии вместо того, чтобы потрясённо умолкнуть... Но в лучших стихах Галина Колесникова счастливо избегает этих «подводных камней», и строки звучат русской силой, чистой музыкой.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Галина Колесникова. Ореховый Спас. Избранные стихотворения. Барнаул, 2004 г.

Пехота уходит вверх

Ни Бог, ни святые Никола с Егорием, ни даже Россия, а уже тем более СССР не пишутся в этой книге с прописной буквы. Во включённых в неё стихах такие буквы отсутствуют вообще. Никакой новации в этом, конечно же, нет: многие из нынешних поэтов ещё и без знаков препинания обходятся. Но у Вадима Дулепова, похоже, причина в ином. Нет у его лирического героя, прошедшего вместе с автором две войны, желания кого-то или что-либо величать. Да, собственно, и оснований тоже.

Более двадцати лет назад — в 1985-м — автор был в числе без пяти минут лейтенантов, готовящихся к выпуску из Львовского высшего военно-политического училища и с гордостью примерявших парадные золотопогонные кителя. А этот его герой, кажется, уже тогда мог поглядеть на примерку глазами портного — мудрого ветхого еврея, который чудом выжил во множестве минувших войн и потому «помнит вечность наперёд»:

*...девицы и правители ликуют...
вам первую? вторую мировую?
столетнюю? или — только тридцати?
а сил достанет — до конца дойти?..*

*великолепен китель офицера,
наряд рубаки, хвата, гордеца.
и пенится восторг наивной веры,
не видящей под золотом свинца.*

Свинцовая подложка из-под сурсального золота полезла практически сразу — в Афгане. Азиатскую инаковость герой ощущает уже в узбекском Ташкенте, чья земля представляется ему под древним, ещё со времен Александра Македонского именем Ариана: «здесь солнце — одетая в марево неба/ чернявая девка кружит свои косы...». Но, расставаясь со столь же традиционными для русского человека видами Родины — «прощайте, неяркая тесная воля,/ неспешные воды, неслышные росы,/ и ты — васильковое мягкое поле,/ и вы — мои русые русские сосны...» — он уходит через границу, ни о чём не жалея. И погружается в простую жизнь, в которой слова, вещи и люди являют свою изначальноную сущность:

*жизнь — чтобы жить,
война — чтоб воевать.
хлеб — чтобы есть.
патроны — чтоб стрелять.*

*сон — чтобы спать.
письмо — чтоб приходиться.
вода — чтоб пить.
товарищ — чтоб дружить.*

*смерть — чтоб погибнуть.
слово — чтоб держать.
и матери —
чтобы солдат рожать.*

*на самом деле
так устроен мир.
а остальное —
знает командир.*

И чтобы жить, но при этом выполнить задачу, надо кровь из носу оседлать господствующую высоту на 4300: «...надо влезть, удача прёт пока./ назад

нельзя. и некуда, и поздно...». И только там, переводя дух и обводя глазами горную окрестность, ощутить себя ребёнком, который с ногами влез в кресло отлучившегося деда — пока не полетели «желтогрудые синицы», что «крошат камень на пшено», и та же самая жизнь не представилась тебе золотыми спицами «в неизвестно чьих руках».

И то лишь поначалу. Потому как возвращающаяся с боевого выхода пехота «...размышляет не/ о судьбе и странности её,/ а большей частью, как сменишь бельё,/ прокисшее за месяц боевых...». А когда смысл беспросветной череды подобных выходов окончательно теряется, висающий над публичным домом и призывно подмигивающий рубиновый фонарь вдруг обнаруживает сходство с такого же цвета кремлёвскими звёздами. И «пока полярною звездой/ господь во тьме молчит», лейтенанту «снятся сны в далёкой дали,/ сны немые, про россию./ не про ту — какую знали./ а про ту — какой простили».

Отчизна тоже может отдыхать: «...спи спокойно, родная страна./ сыновья твои платят исправно...» тот самый бесконечный интернациональный долг, о котором столько было написано и наговорено в те годы. Что же до Господа, то мудрость отношений с ним тоже проста:

*попроси всевышнего,
чтобы не дал лишнего.
только капельку печали
лёгким лунным ветерком.
попроси сейчас, в начале,
а не после, не потом...*

Потом такого шанса может просто не оказаться. И даже в небесах вполне может поджидать в засаде принявший от тебя свинцовое крещение «отчаянный шахид»: «...расплатой радостно дыша,/ нажмёшь на спуск./ и я узнаю,/ что помнит вечная душа,/ не добежавшая до рая...».

Ненависти к врагу здесь нет. Но и к отечеству, куда, подобно уставшему от крови клинку, идущему в ножны, «по бездорожью взорванных дорог» с безнадежно проигранной войны возвращаются «герои и убийцы — сучье племя,/ святая крестоносная душа...», нет её тоже. Во всяком случае, в самом герое, понимающем, что им, как земле с грозой на его глазах, «...в этом месте/ и в это время биться вышло...». И пафосные слова о чести и смысле здесь ни к чему — ни на границе, ни в родной глубинной Нижней Туре:

*здравствуй, город-городок
под шаманскою горою.
уходили — как герои,
а вернулись — кто как смог.
кто — убитый, кто — живой,
кто — калека, рупь с полтиной...*

...кто не в армию, тот в зону...

*...жили-были — кто как мог.
Были-стали — как случилось.*

Но война, как выяснилось, не отстала. Вместе с афганской пылью на колёсах своих бэтэров и на подошвах они её привезли, что ли? «и эти бросим горы,/ когда черёд настанет...». И «...смотрит близкий двадцать дикий век/ из-под прикрытых красноватых

век/ убийцей-смертником,/ что обкурился дури...». И над руинами, что в свете ракеты не отбрасывают тени, снег не падает, как обычно, а реет, медленно взлетая в небо, словно души погибших. Их список оказывается подобен семейному альбому: «...здесь все — родня мне./ а война всё длится./ а дома вырастают сыновья...».

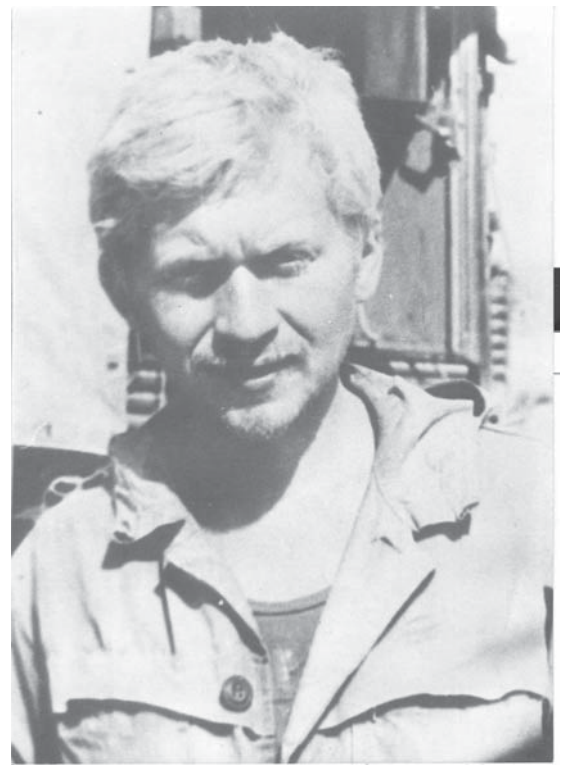
Однако памятный новогодний Грозный оказывается островом, ибо в остальной части страны жизнь продолжает идти своим привычным чередом: «...а граждане — уснули,/ им — на работу рано./ не пробивают пули/ стекло телеэкрана...». И это тоже не вызывает у героя книги ни бурных эмоций, ни стремления ударить в пробуждающий набат. Он просто предупреждает будущих бойцов:

*...потом пройдёт и дым побед.
назад оглянетесь, трезвея:
— героям пламенный привет! —
вслед ухмыляется расея.
герои будущей войны,
противники спокойной жизни,
внимательно смотрите сны!
всё повторяется в отчизне.*

Да и не только в отчизне. Друга Серёгу Белогурова пуля вот подстерегла в Боснии. Пехота продолжает уходить вверх...

Сам-то он вроде бы своё уже отвоевал, и пытается в тот же снег всмотреться по-другому, да не в одиночестве: «...будет он идти сто тысяч лет,/ или зим — бесстрастной ордой./ что-бы превратиться в белый снег —/ как и мы когда-нибудь с тобой...». Хотя и в причалившем к полыному холму доме сквозняк подъезда и грохот лифта напоминают ему про вокзалы и эшелоны. И над сотворённой обесточенным троллейбусом автомобильной пробкой на екатеринбургской улице Белинского «...вверху — три чёрных птицы/ в небе цвета купороса —/ тройка пик, три чёрных стража —/ крутят петли пилотажа...». И количество нот в разыгрываемой кем-то поутру опять же наверху гамме совпадает с числом патронов в револьвере. И вдруг возвратившееся одиночество позволяет порадоваться разве что за того же Всевышнего: «...ключник. птицы.../ слава богу,/ бог один не одинок...».

На земле же, где только «дым из труб печных/ стоит с прямой спиной...», между тем «...вокруг — железные дороги./ гудят — не чувствуя вины./ а русский ад стоит, убогий,/ на все четыре стороны...». Сел бы в поезд, но «...больше некуда ехать, географ./ давно/ неродной стала/ белая отчуждённая страна...». И только в небе остаётся надежда: «...самолёт — на нитке слова —/ как нателный лёгкий крест.../ крестик мой четырёхпалый,/ ты не падай, ты держись!». Даже после ставшего нарицательным 11 сентября, при котором вроде бы даже и год не требуется указывать — именно так, по дате, озаглавлено это стихотворение в одной из более ранних публикаций, и первые строчки отсылают читателя к ней: «крошкой серого бетона/ небоскрёб упал в ладонь...». Однако в книге это заглавие снято, благодаря чему простран-

ство текста разрослось до изначально заложенного в нём объёма.

И уж совсем светло и просторно становится в завершающем книгу стихотворении:

*...дом всюду, где утраты навсегда,
где росчерком нечаянной свободы
одна и та же лёгкая звезда
в урочный час пронзает небосвод...*

*земля есть плоскость.
оттого на ней
устроено всё так, а не иначе...*

*но там, где мгла
уже совсем бела,
грядёт господь лазоревой полоской.*

*дом всюду, где есть радость естества,
подробно время, речи изначальноны,
любовь безвинна, вечность не тесна,
летит звезда и небеса хрустальны.*

Практически, по его собственному признанию, повторив в этой своей книге — во всяком случае, первом её разделе — предыдущую, вышедшую в 2001 году, сохранив её заглавие — «Запомнить, чтобы забыть» — в названии этого раздела, Дулепов как бы вновь подчеркивает свою приверженность военной теме и стремится обратиться к ней новые поколения читателей. Причём настолько новые, что СССР и афганская война представляются им чем-то далёким, и, чтобы выдолбить выросшее былье, автор даже сопровождает книгу специальной «Пояснительной запиской» о реалиях того времени.

И всё же его «Стихотворения» — и, разумеется, без кавычек тоже — достойны куда большего, чем просто быть материалом для рассуждений о посттравматическом ветеранском синдроме. Безусловно продолжая лучшие традиции «военного» направления русской поэзии, они целиком вливаются в её экзистенциальный, бытийный поток, представляя собой образное свидетельство человека своего и нашего времени, который сам выбрал свой путь и не имеет ни иллюзий по поводу своего отечества, ни претензий к нему.

Андрей РАСТОРГУЕВ
Дулепов В.Ю. Стихотворения. — Екатеринбург: ИД «Союз писателей», 2008.

Игра в Городки

«...Город, где огни, проспекты, сама атмосфера — движение, скорость, уверенность, в которых даже физически человек сам себе может казаться более крупным, красивым, весёлым...» Таким на первых страницах книги Татьяны Соколовой «Другой трамвай» предстаёт перед читателем «место человека во вселенной». Место, где человек ощущает себя обнадёживающе и одновременно трагически не равным себе. Это неравенство может неожиданно и мгновенно стать давящим, сминающим душу, а может, напротив, придавать уверенность и открывать новые возможности. Подобная двойственность образа города интуитивно принимается как безусловная, в ней скрыто движение времени, его смутно ощущаемый нами вектор. Татьяна Соколова чётко проводит смысловой раздел: деревни, посёлки, городки — те места жизни, где человеческое существование близко к природе, где человек погружён в её и свою обыденность, где он слит со средой и обстоятельствами и в определённой степени защищён и оправдан ими.

В городе человек как нигде способен ощутить себя самим собой, поскольку изъят из быта городков, из повседневности, из мелких частностей. Город складывается из множества человеческих жизней. Он выстраивает свой вневременной миф (реальность духовную) и свои актуальные образы (реальность повседневную) из конкретных дел реальных людей. Но он же и таит опасность другой обыденности, гораздо более жёстко размалывающей человека.

Соколова выводит два тесно соприкасающихся и смыслово связанных образа: Город и Городок. Оба они в тексте книги имеют символическое, почти мифологическое значение — заглавные буквы автор использует не случайно. Городок воспринимается как реальность, данная в конкретных ощущениях, материальная, густо населённая героями и переживаниями: «...каждые вечер и утро с работы на работу, а вон там, чуть впереди, вертикальные доски из перил на площадке вынуты, и от лаза, вниз, в деревья, к безымянной речке, идёт по склону тропинка до небольшой поляны, которую его друзья называют «кафе», где они собираются после каждой полочки и между полочками тоже...» Город же всегда отстранён, монументален — но одновременно поэтичен и невесом: «Строй высотных домов уходил в чёрно-синее небо и терялся там, будто его вовсе не было. На земле, в голубом и оранжевом, оставались деревья и люди. И всегда почему-то шёл снег, пушистый, медленный. Плавно и мягко, почти бесшумно, двигались вдоль улиц трамваи. У них будто не было стен, а лица их были овальны...»

Отрываясь от мира природы, отгораживаясь от него каменными стенами, человек в Городе остаётся наедине с самим собой. И здесь как нигде возникает и концентрируется, пользуясь известным выражением, «человеческое, слишком человеческое». Оно бесконечно притягательно, поскольку таит в себе неизведанные силу и красоту, и в то же время пугающе — ведь стихии, бытующие в нём, столь же природные, непредсказуемы и мощны. Как сказал о связи города и природы О. Мандельштам: «Природа — тот же Рим и отразилась в нём».

Город в творчестве Соколовой — мечта. Героиня рассказа «Я ехала домой» мечтает впервые встретиться с городом «один на один», без посторонних свидетелей и обязательных дел, и эта мечта сбывается: она оказывается одна в «совершенно пустом, освещённом ярко трамвае». И сам трамвай становится метафорой движения сквозь время. Но Город — мечта, которая вполне может и не сбыться. И автор, с его целостным, поэтическим мировосприятием, передаёт ощущение постоянной близости этой трагедии — трагедии несбытшейся мечты. Даже при тщательной прорисовке внешнего развития событий, бытовых реалий и чувств героев автор никогда не изменяет ассоциативно-метафорическому стилю, позволяющему наполнить сюжет глубоким переживанием: метафора даёт возможность проживать ситуации не извне, а изнутри происходящего, окружая периферию событий и зрительно увеличивая, приближая к глазам главное, словно наблюдаешь мир изнутри радужного шара... Подобный взгляд тем более интересен, когда описываются времена лихие, трагические, срывающие устойчивый быт со всех его якорей, превращающего мечты в ловушки для простаков, когда, может быть, только поэтическое отстранение от происходящего позволяет собрать душу, сберечь её и соединить разорванные времена в себе самом... Город в рассказе начинается с метафоры: «Вождь показался мне огромным гранитным голубем, с устремлённой вперёд и вверх выпуклой грудью. Вид его был важен, но мне почему-то было жалко его...» Так — сразу — возникает образ каменного человека в каменном городе. И чувство жалости — там, где вроде бы должны быть благоговение и гордость.

Далее мы вместе с героиней впервые видим завораживающие, поэтически преображённые в восприятии городские пейзажи, тонкую их акварель, словно сквозь дымку. Но время сдвигает эту дымку, и жизнь становится метафорой, а метафора — жизнью. Появляется другой трамвай, несущийся сквозь время, как динамический образ Города, его история, складывающаяся из отдельных поступков, судеб, мифов, но и накладывающая на человека свою неизгладимую печать. Городки словно островки архипелага «Город» существуют отдельно, дрейфуют, и порой читателю трудно провести географическую границу между той и другой реальностью, но поэтически эти пространства разграничены чётко. Парадоксально, но образ Города у Соколовой одновременно устойчивый архетип («место человека во вселенной») и метафора мечты. Это вполне русский парадокс — парадокс и современной культуры России, имеющей глубокие крестьянские корни, неразрывно слитой с природой и ощущающей собственно человеческое пространство в ней весьма и весьма локально. Эта провинциальная культура из века в век подвергается насильственной модернизации и разрушается слой за слоем.

Рассматривать ли это как трагедию? Вполне возможно, если вспомнить, сколь высока каждый раз бывает плата за экстремальный и насильственный рывок к прогрессу, сколько человеческих судеб и жизней она уносит. Однако вполне возможен и другой взгляд: ведь в недрах именно этой культуры способно устойчиво сформироваться мировоззрение, сохраняющее космизм бытия, внутренний душевный и духовный свет, способное преодолеть каменную косность Города и воссоздать в нём себя, воплотить свою «слишком человеческую» мечту.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Судьбою — здесь о книге Владимира Волковца «Весенний день осени»

И ныне, когда природные кладовые Тюменского Севера интенсивно эксплуатируются отечественной и мировой экономикой, здешние земли в сравнении с отечественными весями, находящимися западней и южней, заселены куда разреженнее. А вот стихотворений на тысячу жителей «безъяблочных мест», по-моему, больше, чем в «среднерусских краях». Таких подсчетов, понятно, никто не вел, да и случись они, моя гипотеза могла и не подтвердиться. Но в нее хочется верить. Ведь, какими бы ни были здешние зарплаты, а постоянно жить среди болот, тайги и гнуса только из-за северного рубля не станешь. Надо ощущать свою причастность к этим местам. Иными словами, изведать то состояние, которое житейской прозой едва ли выражаемо.

Владимир Волковец живет на Севере. Точнее — живет Севером. И пишет естественную для местного обитателя лирику. Прописанный «судьбою — здесь», он воспринимает себя доверенным лицом этой земли. И потому ему внятна логика и вальщика леса, и лесничего — при несомненной их альтернативности. Своим словом поэт помогает обживанию этих впечатляющих масштабом и богатствами пространств. Притягательность еще недавно тут господствовавшей нетронутости безусловна:

На еловых лапах лес
Взвешивает небо —
Оседающий замес
Птиц, дождя и снега.

Но человек оказался на этих просторах не ради созерцания редкостной запovedности. И дар понимания дивного голоса природы не препятствует лирическому герою осознавать неизбежность цивилизационного вторжения в некогда девственный мир. В этой книге немало горестных констатаций того, что «на месте памятной тайги, / гвоздями вбитые по шляпку, / в кипрейной кипени — пенки», или того, что «Нет очарования в пейзаже, / Где стыдливо прячет комбинат / Выбросы невозмутимой сажы, / Стоки, источающие ад». Но не меньше горечи и боли на страницах, фиксирующих поглощение человеческого природным, когда приходится видеть «вместо улиц — / вспаханное поле / да осенний лес».

Не склонный к умозрительности и философичности, В. Волковец отстаивает необходимость человеческого присутствия в мире. Человеческое при этом понимается именно как человеческое. Гуманное. Мир в своей первозданности, без человека, — не прекрасен. Он — никак. Не увиденный и не услышанный, не запечатленный в красках и словах, мир пребывает неведомым для самого себя. Он нуждается в человеке. Нужда эта, конечно, сопровождается налогом, растущим день ото дня и грозящим стать для флоры и фауны непосильным. Но, сознавая, что «земле ее былую тишь / не возвратишь» (Л. Мартынов), автор книги не о той поре тоскует, когда мог «не за лесом приехать, а в лес», но о согласии этих миров — природного и человеческого. Согласии, обусловленном единством всего живого. И не экспансия человеческого грозит существу катастрофой, а нехватка человечности.

Строки стихов, как могут, сопротивляются росту этого дефицита. Подчас автор прибегает к прямой публицистической высказывания, однако обличительные тирады о том, что «страна в раздразе, мафиях и взятках», ныне воспринимаются не иначе, как комариное жужжанье, да и дар этого стихотворца — совсем не плакатного толка. О злободневном журналист В. Волковец пишет в редактируемой им районной газете — а помеченные этой фамилией стихи притягательны силой не возмущения, а восхищения.

Музыка лада для лиры стихотворца органичнее, нежели дисгармонические аккорды: «С пасмурным сердцем сюда забредешь — / выйдешь с ромашковым солнцем». Чувство справедливости жизни — основополагающее для различных по первоначальному импульсу стихотворений этой книги. Владимир Волковец — поэт жизнелюбия. Он верит в возможность гармонизации бытия. Хотя бы на какие-то мгновения. Их и запечатлевают его строки. Ими утверждается одушевляющее родство всего живого. Это утверждение себя осуществляет как на уровне тем и мотивов (естественная общность человека и природы, кровные узы, связующие героя с матерью, отцом, братом, товарищество внутри рабочего коллектива), так и на уровне образов, когда уверенная вязь метафор совмещает в ткани стиха то, что взаимоотражается в самой реальности.

Дар «пережитое в слово облечь» произведен от способности воспринимать сущее образно — в единстве сколь органичных, столь и неожиданных переходов, контактов, сближений. О чем бы ни шла речь на этих страницах, почти всегда возникает чувство подъемной силы поэзии, возвышающей над будничной привычностью, но — что примечательно! — не игнорирующей ее.

В стихах того, кто, по собственному признанию, «в рабочей рубашке родился», немало примет производственного антуража. Как некогда Пастернак не стеснялся в лирических признаниях «рубанков, снастей и пицалей», так Волковец благоволил не только деревьям и птицам, но и «поршням», «сварочным аппаратам» и прочим атрибутам «жизни мазутной». В его стихах «бегут с нарастающим свистом составы», «брызгами электросварки / глубоко засеян снег», а «бензопилы тревожный визг / деревья кинет в дрожь». Что говорить, из-за усердной мобилизации подобных «техсредств», и превращающих «природу / в тонны, метры и кубы», многое на планете исчезает, подчас невосполнимо. Но ведь, согласитесь, и без этих «тонн, метров и кубов» ныне человечеству не выжить. Торжество лада утопично. И все же на то и существует поэзия, чтобы намекать реальности на достижимость гармонии — хотя бы в стихотворных строчках.

Четверть века назад мне довелось откликаться на рукопись едва ли не первой книги Владимира Волковца, как было в ту пору принято, внутренней рецензией. И я тогда открыл для себя автора, наделенного самобытным поэтическим мировосприятием. Спустя годы рад новой встрече с его стихами.

Леонид БЫКОВ

Сергей ФИЛАТОВ

НЕМОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

ПОДСНЕЖНИКИ

Очень быстротечна мера
Сокровенной красоты —
Только перед самой смертью
Открываются цветы.
Станным кажется их праздник
В свете участи земной,
Словно и не умирают,
А уходят в мир иной.

В ЗАБРОШЕННОМ ХРАМЕ

Тугие стебли повилили
Уже проникли и сюда...
Но на нетронутые лики
Нисходит Божья благодать.
И так чудно во тьме пустынной
С лица мерцающей стены
Глядят безмолвные святые...
И их глаза любви полны.
Как будто в мире скоро снова
Размкнутся чистые уста,
И возвратится миру Слово
Вторым пришествием Христа.

ВЕСНА 91-го

Мы курим за зоной. Мы вышли из зоны.
Мы просто молчим. И молчим.

И молчим...

АВТОРА!

Сергей Викторович Филатов родился в Омске, вырос на Алтае, в Бийске. Окончил Алтайский политехнический институт (1985). С 1983 г. занимался в студии Бийского литературного объединения «Парус». Участвовал в краевых семинарах молодых литераторов в Павловске, Барнауле, в 9-м Всесоюзном совещании молодых литераторов в Москве (1989), учился в Литературном институте им. М. Горького. Публикуется в краевых изданиях с 1985 г. (газ. «Молодежь Алтая»), а также в Москве, Минске, Алма-Ате. Один из основателей и первый главный редактор альманахов «Бийск», «Чуйский тракт», «Огни над Бией», литературный редактор журнала «Бийский вестник» (2003), редактор газеты «Бийская неделя». Лауреат литературных премий журнала «Алтай» (1992), муниципальной г. Бийска (2002), им. Л. Мерзликина (2006), журнала «Барнаул» (2006). Член Союза писателей России.

И кроме ворон и берез безнадзорных
Никто не услышит. Кричи — не кричи.
От талого наста до низкого неба
В душе на затылке осталось любви.
Скопилась усталость от долгого снега,
От черной работы — остаться людьми.
Похоже, что март привели под конвоем,
И звонкой капели спустили курки...
И все обостреннее голод по воле,
И все острее приступ тоски.

Я сделал плохое деянье,
И во искупленье греха
Свершил старику подаянье
Легко. И забыл старика.
Да мало ли их в самом деле! —
Ну подал и подал ему...
И вроде все правильно сделал,
И вроде бы все по уму.
А осень листвою сорила,
Что золотом. В полной тиши.
Как будто безмолвно корила
За скудость и черствость души.
Все, что нам без скорби дается
В миру, — не возвысит креста...
А нищий пойдет и напьется,
И свалится пьяный с моста.

У соседа запой. Я его понимаю.
Но помочь, видит Бог, я ничем не могу.
Я, бывает, и сам иногда принимаю,
Когда сам от себя малодушно бегу.

У соседа запой... Осень золотом сыплет,
Как деньгами сосед.
Он не брит и не свеж,
Предлагает мне выпить.
Чего бы не выпить...
Да простит меня Бог, да спасет его Свет.

Отчего бы не выпить
с хорошим соседом,
И не взять на себя
часть соседских забот.
Может быть,
у него на душе просветлеет
Или вдруг, может быть,
на меня снизойдет.

Воздух осенью чист.
Небо осенью сине. —
Есть надежда,
что все в этом мире не зря,
Как молитва, простертая Отче и Сыне...
У соседа запой. И разгар сентября.

Владимиру Башунову
И тусклые угли в глубинах мерцают,
Как что-то забытое сияется вспомнить...
И время безмолвно вокруг обмирает
В затмении снежном,
в забвении полном.

Полвека свободы. Да что там полвека —
Еще со времен сотворения мифа,
Еще со времен исчисления мира —
От первого и до вселенского снега!

Золу разгрести. И подбросить полено. —
Как вызволить пламя и время из плена.
И грезить в пространстве своем
одиноким
О чем-то высоком, о чем-то далеком...

НА МОГИЛЕ ОТЦА

Ручей под снегом. Ели. И мороз.
Прости, отец, я выпью молча, коль,

Нам встретиться так поздно довелось...
И молча пересилю эту боль.

Я опоздал... и ты не погодил...
Все — как всегда... как в жизни... на бегу.
Теперь лишь одинокие следы,
Мои следы, увязшие в снегу.

А снег такой, что все окрест светло,
Нетронутый. До боли белый снег.
Как далеко от дома занесло:
Меня на полчаса. Тебя — навек.

Скрипит под ногой половица...
И образ неясно размыт.
И пыль переходит границу
Тончайшего света и тьмы.

Я вижу забытые лица.
Я знаю, чего я хочу.
И надо всего-то склониться
И молча поставить свечу.

И так все до боли понятно
В душе очерствелой, как хлеб.
И я начинаю склоняться
Под тяжестью света. И лет.

ОЖИДАНИЕ СНЕГА

Задержался снег. Запоздало
Переулком домой бреду.
А рябина моя больная:
Вся горит, как в бреду.

Морозящий ноябрь. Постылость
Безвремения. Серость лет.
Мне так хочется верить в Россию,
В ту Россию, которой нет.

На окне на моем — решетка,
За окном моим — нищета,
А вино на столе — дешевка,
Оттого и болит душа.

По утру, в чистоте похмелья,
Когда мысль о России — весть,
Кто-то ранний пройдет по снегу...
Или это уже не здесь?

Как все когда-нибудь кончается,
Чтобы продолжиться потом, —
Снег выпал чистый, как причастие
Моей рябины под окном.

И словно в зале ожидания,
Смотрю на этот белый снег
В преддверье первого свидания
Или прощания навек.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Вся жизнь моя строка
(не путайте со «строчкой».)
Чего-то не успел, чего-то не сумел...
Пробел. Еще пробел.

И впору ставить точку.
Но где-то в тишине, но где-то в глубине...

Надеяться и ждать. И верить
(корень — вера).

А вдруг. Сейчас. Вот-вот.
Вот-вот... Сейчас... А вдруг...
Проклонится на свет апрельский,
словно верба,
Пусть не строка. Пусть звук...
Вначале будет звук.

Виной всему предел.
Вернее — нет предела,
Конца и края нет. И края края нет.

И храм, и вербы, и...
грядущий понедельник.
И где-то в тишине, и где-то в глубине...

Тихая заводь июльского лета.
Память воды, до седьмого колена...
Дно ли погрезится... Или во мне
Что-то забрезжит неясно и больно:
Словно нахлынет светло и привольно
И — раствориться тотчас в глубине?..

Линия света и тени от бора.
Линия берега. Кромка прибоя
В проблесках, точно случайной, слюды.
В полном покое согбенные ивы,
Словно монахини светлые... Или
Все это горящая память воды?..

Здесь ли, смиренно и тайно зывая,
Тихо рождалась печаль вековая?..
Лето Господне. Благие труды —
К миру огромному, к скудному хлебу
Да к неразменному синему небу...
Тихая заводь. Память воды...

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА

Под окнами водили в баню «химиков».
Еще сирень под окнами цвела...

И мир казался до того бесхитростным,
сплошь сотворенным из добра и зла.

Страна жила. И будущее строила.
Далекое, но светлое вполне...

Район наш в просторечье звался
«стройкой» —
панельный, спальный,
как по всей стране.

Еще соседа помню алкоголика,
который спать ночами не давал —
жену гонял из дома полуголубую,
потом полдома песней доставал...
И засыпал к приходу участкового.
Смирен и тих. Баян под головой...

А лет мне было...
я не помню сколько,
...еще отец был с нами...
и живой...

Небо синее, близкое —
Хочешь, трогай рукой! —
Даже скажешь «провинция», —
Слышишь «вечный покой».

Жизнь течет по касательной,
Шевелюсь да скуля,
Словно свечку поставили,
А зажечь не велят.

Пахнет щами с капустой
Да домашним теплом,
Да отцовским напутствием
Перед дальним крылом.

Все дороги накатаны,
И не тянет назад.
Возвращаться заказано...
Да уехать нельзя.

СНЕГОПАД

Пахнет небом и ладаном
Вне пространства и времени.
Так приходят на кладбище
И приходят к прозрению.
Как отчетливо дышится
И замедленно тянется!..
Оборвется, и лишнего
Ничего не останется.

Арсен ТИТОВ ВЫСТРЕЛ

Новелла

Теперь уже не установить, правда ли. Некогда Горийская крепость была царской. А земли и деревни вокруг крепости принадлежали Амилахвари, князьям, приближенным к царю и даже порой с царем соперничающим. Родовая их крепость была Схвило, стоящая там, выше селений Самтависи и Чала.

Но со временем они Схвило оставили и переехали в Гори. Здесь они поставили дом близ базара и под крепостью, но так, чтобы в случае боевых действий на ее стенах им от этих действий не пострадать.

У Гиви Амилахвари, князя, был сердечный друг, верный слуга, азнаур, то есть дворянин, Иерема Пицхелаури. Этому Иереме принадлежала деревня Меджврисхеви, хорошая деревня, хоть и не большая по числу дымов и угодий, но на равнине и с виноградником.

Неизвестна причина, по которой Иерема или его родители вышли из родных мест, из Хевсуретии, из гор. Впоследствии потомки этого Иерема деревню продали и виноградник продали.

Мой двоюродный брат Цопе из другого рода происходит и другую фамилию носит. Но были мы неразлучными, хотя и жили на таком расстоянии друг от друга, что порой оторопь брала. Ну, как кто скажет, сколько дней потребуются, чтобы от Екатеринбурга дотащить-ся до Гори. Это от Зегдулети до Гори глазом не успеешь перевести, как уже прикатишь. Зегдулети я вспомнил потому, что там живет один человек по имени Акакий, очень хороший человек, краевед. Он рассказывал про моего предка Иерему Пицхелаури. Вот от его деревни до Гори — мигом. А от Екатеринбурга до Гори — и загадывать нечего. Очень большое расстояние. Не всякий осилит.

Были мы с Цопе неразлучными, пока нас не разлучила смерть. Он умер враз.

ПОЗДРАВЛЯЕМ АВТОРА!

Арсен Титов — сопредседатель АСПУр, председатель ЕО Союза российских писателей, лауреат многих всероссийских и региональных литературных премий — один из тех редких людей, для которых понятие «общественное служение» — не пустой звук. Убежден, что без его мудрых советов, участия во всех делах нашей Ассоциации, и ее бы давно не было.

Дай Бог, тебе, дорогой Арсен, долгих и счастливых лет жизни, здоровья и новых книг!

Прими в подарок это стихотворение, написанное в день твоего юбилея:

**Выпал снег на Покрова,
В день рождения Арсена.
Глаз порадовав едва,
Он растает непременно.**

**По прогнозам до зимы
Пять недель еще осталось...
Отмечаем нынче мы
Зрелость дружбы, а не старость!**

**И недаром этот снег
Не спит, не обжигает,**

**Редколлегия «БМ» присоединяется к поздравлению
и желает Арсену Борисовичу Титову всяческих удач!**

И мне прислали телеграмму: Цопе умер. В телеграмме, конечно, было написано: Гиви умер. Но я все равно прочитал: Цопе умер. Потому что мне роднее до сих пор именно это его уличное прозвище. Справедливый он был человек, мой двоюродный брат Гиви. Он сразу кидался в защиту того, против кого несправедливость творилась. Поэтому его прозвали Цопе, то есть бешеный. Я сначала думал, что его так прозвали за его ругливый характер. А потом узнал, нет, оказывается. Его за спешное стремление восстановить справедливость так прозвали. Он сразу кидался в бой. Стрелял, кстати, он вообще без промаха. При этой его особенности да при спешном к справедливости характере, кому-то, конечно, захотелось его назвать бешеным. Он назвал, все подхватили.

Мы были не разлей вода. Или, как говорят в Гори, уэртманетс пурсац ки ар гавтехдит — друг без друга мы и хлеба не преломляли.

И когда я прочитал телеграмму, два дня я ничего понять не мог, просто голова кружилась, и было в глазах ясно, и все предметы стали острыми, будто никакого воздуха в атмосфере не осталось. А потом вдруг пришла боль. Все скруглилось, как при сухой серой дымке во время предстоящей непогоды. Я боль усмирять, но усмирить не смог и пошел в стоматологическую клинику, чтобы мне вытащили зуб. Две женщины взялись мне его вытаскивать, немного не понимая, почему они должны вытаскивать хороший зуб, когда многие не идут вытаскивать плохой зуб.

Возможно, сказало их непонимание — они мне разворотили всю челюсть. Пришла боль. Но она не осилила боли в душе. Наиболее близкие друзья стали за меня бояться, ибо я полтора месяца ничего не хотел — ни выпить, ни закусить и, возможно, истаял бы. Но,

видно, истаять мне покамест время не пришло. Я наконец заревел, и потом мне стало легче.

Я о брате сейчас говорю, потому что мы с ним как-то охотились близ Меджврисхеви. Ни он, ни я, конечно, не знали, что она когда-то принадлежала Иереме Пицхелаури, моему предку по бабушке. Потом, когда Цопе стал знаменитым и получил орден за высокий урожай великолепных персиков, Акакий из Зегдулети с ним познакомился и узнал, что я по бабушке происхожу из Пицхелаури и все рассказал про моего предка Иерему.

Я приехал, а Цопе закричал.

— Ты знаешь, что вон то селение, — он ткнул рукой в сторону Меджврисхеви, — тебе принадлежало?

Так закричал Цопе, а мне отчего-то стало обидно.

— Никакого селения мне не принадлежало! — в неприязни сказал я.

— Э, он еще ничего не знает, оказывается! — закричал Цопе, стараясь восстановить справедливость, и поведал мне историческое знание Акакия.

Но, в то время, когда мы как-то охотились близ этого селения, ни я, ни он этого знания не имели. Потому я даже не смотрел в сторону этого, так сказать, бывшего моего селения. А все больше я смотрел себе под ноги, ибо продирались мы с Цопе густыми зарослями кустов, травы и многочисленными канавками.

Якобы князь Гиви Амилахвари очень любил своего слугу азнаура Иерему Пицхелаури. Может быть, они были столько же неразлучны, сколько мы были неразлучны с Цопе. Во всяком случае, Акакий из Зегдулети говорил, что князь Гиви шагу не мог ступить без Иерема. Только-то утром проснется, а уже кричит:

— Где мой брат Иерема?

И мой предок по бабушке Иерема Пицхелаури якобы, где бы ни был, всегда успевал явиться к нему и улыбнуться.

— У нас с тобой одно сердце, брат мой Иерема! — говорил, по рассказу Акакия, князь Гиви.

— Если даже два, так что с того, господин мой! Они стучат в одну сторону! — отвечал, по рассказу Акакия, предок мой по бабушке Иерема.

И даже жену себе князь Гиви выбрал якобы по совету Иерема.

Хотя, думается, данное известие является преувеличением, ибо князья женятся не по совету сердца или верного слуги, а по княжескому расчету. Однако, пусть будет так, как говорил Акакий. Пусть будет так, будто князь Гиви решил привести к себе в царскую крепость Гори жену по совету моего предка по бабушке. Ничего порочащего моего предка в данном известии нет.

Мы с Цопе тащились охотой около селения Меджврисхеви.

Сзади у нас оставалась Горийская крепость, совсем не грозная отсюда, из травы. А впереди челноком туда-сюда пронзал траву и канавы наш пес-трудяга Армаз. Очень мы надеялись на него. И он оправдал наши надежды, поднял-таки перепела.

Вообще охота была неудачной. Если с озера Надарбазеви мы возвращались едва не согнутые под тяжестью добычи, то здесь впустую болтались полдня, так что мне от скуки и усталости захотелось даже пальнуть в воздух — хоть этим встряхнуться.

А тут вдруг Армаз глухо, будто недовольно, гавкнул — он всегда гавкал как-

то с претензией, будто охота для него была хуже неволи, хотя не было наверняка на свете собаки, которая бы любила охоту больше, нежели он. Про некоторых собак такого же характера писал и Александр Куприн. Но разве его писание умалило нашего Армаза? Я думаю, писание Александра Куприна говорит в подтверждение того, что собаки, равные Армазу, хоть и в небольшом количестве, но были всегда, и что сами по себе собаки очень талантливый народ, хотя в чем-то, может быть, данное мое мнение является не совсем отвечающим действительности, ибо наравне с талантливыми приходилось встречаться мне с очень бездарными собаками.

Шли мы полдня канавой, и наконец Армаз недовольно гавкнул, мол, чего там тащитесь, вот же он, перепел, ед-рена мать!

Армаз гавкнул, и Цопе сразу выстрелил.

Как это получается у Цопе — стрелять, еще даже не видя цели, но в цель, я не знаю. Однако Армаз гавкнул — Цопе выстрелил. Перепел, не успевший подняться над травой, тотчас, смятый выстрелом, упал обратно в траву. И тотчас, но чуть с запозданием, раздался выстрел со стороны.

Было так. Цопе вскинул ружье и выстрелил. Перепел не успел вылететь из травы, как пошел обратно. А выстрел со стороны чуть запоздал. Перепел точно возвратился в траву после выстрела Цопе. Но вдруг бабахнул выстрел со стороны, и быстро-быстро появился со стороны производитель выстрела.

Цопе навскидку сбил перепела. Это я хорошо видел. И уж, коли речь зашла о справедливости — так ведь и поднял-то его наш пес Армаз

Но грянул выстрел со стороны, и его производитель, этаким не очень видный из себя, даже можно сказать, невзрачный человек, срезанный напополам высокой травой, радостно поспешил к месту, куда упал перепел после выстрела Цопе.

— Победу вам! — радостно закричал он, поспешая к нашему перепелу.

— И тебе победу! — по обычаю сказали мы и тоже поспешили к перепелу.

Совсем неожиданно с женой князю Гиви достался ее родственник, имени которого Акакий не назвал, а у меня тогда не хватило толку спросить.

Этот родственник самым неожиданным образом, с одной стороны, воспыал дружеским чувством к князю Гиви, и, с другой стороны, воспыал чувством неприязни к предку моему Иереме.

— Что это, какой-то азнаур из дикого хевсурского рода садится рядом с моим дорогим зятем по правую руку, бережет его вино и носит с собой у пояса его печать! — якобы воскликнул родственник жены князя Гиви.

И это восклицание, много раз нашептывавшее князю Гиви на ухо, однажды возымело действие. Однажды вдруг стало князю Гиви казаться белое черным, а черное белым или даже неизвестно каким сияющим. С постоянного нашептывания родственника своей жены он вдруг стал смотреть на Иерема Пицхелаури, хранителя его вина и печати, друга, и моего предка по бабушке между прочим, иными глазами.

— Нет, спору нет! Иерема Пицхелаури человек достойный! — нашептывал родственник жены на ухо князю Гиви. — Ты же знаешь этих хевсуров. Они народ преданный. Это сущая правда. Но они

**А сулит счастливый век,
За которым жизнь другая.**

**День рождения настал -
Чист, как лист бумаги белой,
Чтоб Арсен роман писал
И шаги к бессмертью делал...**

Александр Кердан

народ... — и что уж дальше нашептывал он своему едва не царственному родственнику князю Гиви, ни Акакий, ни современная история сказать не могут.

Только известно — родственник со стороны жены довольно нашептал, чтобы вдруг в сердце князя Гиви по отношению к Иереме Пицхелаури поселилась неприязнь.

— Ах ты каков! — оказывается, стал думать про своего верного слугу князь Гиви и однажды до того возмутил самого себя, что отважился на злодеяние.

На охоте в окрестностях деревни Меджврисхеви, со стороны которой, как мы знаем, Горийская крепость, царская, смотрится совсем не грозно, однажды раздалась два одновременных выстрела. Правда, одновременность их была не совсем чистой. Якобы один выстрел чуть-чуть запоздал, но в целом это не имело значения. Выстрелы раздалась в одно время. От одного выстрела в траву упал фазан. От другого выстрела в траву упал Иерема Пицхелаури. Не трудно догадаться, чьим был выстрел, от которого в траву упал Иерема.

Похоронили его достойно. Отпевать его повезли якобы в святой Атенский сион — а это составит верст десять от Горийской крепости по горному ущелью. И деревню Меджврисхеви якобы князь Гиви оставил потомкам Иереми, и якобы потом помогал им, чем мог, так что некоторые из Пицхелаури достигли определенных высот положения. Но, правда, другие Пицхелаури, в злую годину вынуждены были Меджврисхеви продать и виноградник продать.

А родственник жены князя Гиви стал отвечать за сохранность вина и стал носить у своего пояса печать князя Гиви. И так ему это понравилось, что он потихоньку продолжал говорить об Иереме Пицхелаури нелестное — разумеется, измышляя. И в этом он так преуспел, что однажды, оказывается, князь Гиви, от гнева раздавив в руке турий рог с вином, сказал:

— Или ты, мой родственник со стороны жены, прекратишь говорить об Иереме что-либо, или же тебе придется заместить его вот здесь!

Князь Гиви показал при этих словах на левую сторону груди против сердца.

Родственник жены оказался человеком очень смышленным. Он понял, что в левой стороне груди своего шурина, князя Гиви, он вообще никого, а не только Иереми Пицхелаури, заменить не сможет, и с той поры не стал произносить его имени.

— А мечь? — спросил я в негодовании.

Теперь-то я знаю, что никакой мести не могло быть — и не только за недокананностью преступления. Мечь явно была прекращена царским указом, ибо князь Гиви хоть и был соперником царя, но держал одно из четырех знамен грузинского царства, то есть выступал в случае войны и похода четвертую часть войска. Потому царю приходилось с князем Гиви считаться.

Хотя, может быть, кто-то из тех Пицхелаури, которые сейчас продолжают проживать на родине, знают другой ответ на мой вопрос.

Но я спросил про мечь. Мне в мои лета казалось, что все невзгоды в жизни, связанные с оскорблением, могут разрешиться мечью.

Акакий из Зегдулети, краевед, был немного другого мнения. И, думается, быть человеком другого мнения ему не составляло труда. Иметь другое мнение ему помогало его краеведческое знание.

Когда однажды я был в Зегдулети вместо моего брата Цопе на празднике, и Акакий узнал, что я двоюродный брат Цопе — а до этого он обо мне вообще ничего не знал и, конечно, знания своего о князе Гиви и Иереме Пицхелаури не обнаружил даже в районной газете «Гамарджвеба», наименование которой полностью совпадает с тем приветствием, которое нам сказал после выстрела меджврисхевец, и которое обозначает победу и только победу, ибо за полторы тысячи лет беспрестанных боев с беспрестанными врагами вместо благословенного слова «Здравствуйте!», которое сохранили русские люди, грузины стали желать друг другу хотя бы победу, наверно, полагая, что с победой придут и здоровья. Если они оказались немножко не правы, думается, их неправоту следует простить.

Ведь и Акакий мне простил мою глупость на счет мести. И Цопе простил, хотя сделал вид, что не понял, о чем я заговорил.

Мой грузинский иногда позволял некоторым людям в целях общего блага не понимать того, что я пытался сказать. Иначе, наверно, тоже кому-то из не совсем выдержанных мужчин, или, хуже того, женщин пришлось бы объявлять мне мечь — так я иногда выражался. Разумеется, женщины мечь объявлять не могли. Более того, они в период мести были наделены правом хотя бы на время мечь прекратить. Но ведь известно, что сами они часто случаются причиной вражды, за которой неизменно мечь следует. Так что, думается, о женщинах я сказал хоть и деликатно, но вполне со знанием дела.

Никто ничего мне не ответил на мой вопрос о мести. Не ответил никто на празднике в Зегдулети, где я замещал Цопе. Не ответил никто потом. И мстил ли кто-то из Пицхелаури князю Гиви или его родственнику со стороны жены, еще раз говорю, я не знаю.

Но вот наш Армаз поднял после полдня скитания в окрестностях Меджврисхеви перепела. Цопе вскинул ружье, выстрелил. Перепел вернулся в траву. Армаз, грозно рыча, перепела схватил поперек, будто хороший борец соперника. А из травы же со стороны Меджврисхеви вдруг вышел очень приветливый человек, говорящий нам: «Победу!». Я уж не говорю, что он сначала выстрелил, а потом вышел.

Мы с Цопе тоже сказали ему «Победу!».

Мы с Цопе ему улыбнулись, как и полагает, ибо ведь люди.

— Да! — сказал он нам. — Хорошие здесь места!

— Да, — сказали мы ему в тон, хотя не смогли понять того, что он имел в виду. Я ведь не знал о давней принадлежности этих мест моему предку Иереме Пицхелаури.

— Экология, конечно, нарушена, — показал он с некоторым сожалением на недалекое шоссе, — но дичь подстрелить можно!

— Дичь, дичь-мичь! — вдруг сказал Цопе по-русски.

— Да, — сказал пришелец со стороны Меджврисхеви. — Я уже час хожу и только-то подстрелил!

— Да, — сказал Цопе и скривил щеку, как это обычно делает в недовольстве его отец Дато.

— Да, — сказал пришелец со стороны Меджврисхеви и потом сказал: — Извините, я понимаю, хорошая собака нынче является редкостью. Есть вообще дурные собаки. Ваша, я вижу, не из тех. Скажите, чтобы отдала!

— Э! — сказал я.

А Цопе снова по-русски сказал:

— Собака-мобака!

— Э! — еще раз сказал я.

Расстояния между нами было всего две поросшие травой канавы и некоторые не очень взранные кусты акации. Справа в километре шумело шоссе, и от него сразу вскидывались в небо холмы Квернаки. Говорят, археологи там нашли древнюю культуру. Я и Цопе на этих холмах зимой гонялись. Слева же в километре прикрывалась садами деревня Меджврисхеви. Оттуда так себе, от скуки лаяли собаки. Наш Армаз на них не обращал внимания. Он держал перепела. А этот пришелец со стороны Меджврисхеви на перепела имел виды, хотя сбил его выстрел Цопе.

— Скажите, уважаемые, — снова сказал меджврисхевский пришелец.

Я посмотрел на Цопе.

— Что ему надо? — спросил я по-русски.

— Дичь-мичь ему надо, — ответил по-русски Цопе.

Об этом-то я уже сам догадался. Только я не мог понять, почему ему надо нашу дичь — вот и спросил Цопе, полагая, что он мне как-то этак объяснит поступок меджврисхевского пришельца.

— Дичь-мичь надо — так пусть ищет! — сказал я.

— Где он найдет. На всю местность одна была, да и ту Армаз держит! — снова скривил щеку Цопе.

— Нам какое дело? — спросил я.

— Он считает, что он сбил, а Армаз своровал! — сказал Цопе.

Я и сам догадывался, что этот пришелец так считает. Однако считать можно все что угодно — да выстрелил-то первым и свалил перепела в траву Цопе.

— Ну что вы, товарищи! — догадался о нашем настроении пришелец. — Со всей уверенностью могу сказать, что сбил его я! Если бы не я, разве бы я стал претендовать!

— Да! А если бы подстрелили не мы, мы бы обязательно стали претендовать! — возмутился я и взмахнул ружьем.

Возмущение меня не украсило. Будь это на войне, я бы за это возмущение стал считаться некачественным воином. Однако ни о войне, ни о впечатлении, которое я бы мог составить подлинным воином, я не думал. Возмущение наполнило меня.

— Да! А мы бы стали претендовать! — сказал я еще раз, не зная, почему вдруг молчит обычно такой ругучий брат мой.

— Нет, что вы! Я никогда не смогу так о вас подумать! И если бы именно вы подстрелили эту несчастную птицу, я бы просто порадовался за вас! — с благожелательной улыбкой сказал меджврисхевский пришелец.

Если бы в тот миг я знал про коварство родственника жены князя Гиви, я бы, наверно, эту благожелательность меджврисхевского пришельца посчитал связанной с тем коварством. И тогда бы это знание по-иному решило исход дела. Но ничего я не знал. Я стал ждать, что скажет Цопе, старший брат мой. Я застыл в некоей пренебрежительной усмешке, долженствующей, в моем представлении, тонко, но недвусмысленно передать незаконному претенденту на нашу добычу не только мою неприязнь, но и более оскорбительное чувство, которое я не мог показать прямо всего лишь по не-

пререкаемому горскому обычаю, но о котором он должен был, глядя на меня, догадаться.

Однако же меджврисхевский пришелец был столь догадлив, что о выражении моих чувств к нему решил не догадываться.

Я уменьшил тонкость и усилил недвусмысленность передачи моих чувств, одновременно постигая неожиданное и непонятное мне молчание Цопе. Вероятно, так двойко вел себя родственник жены князя Гиви — успевал ловко и тонко выказывать свое пренебрежение Иереме Пицхелаури и одновременно старался постичь, по какой причине не отзывается на его нашептывания князь. Не легкое, оказывается, это дело — одновременно делать и то и это. Не каждому оно под силу. Во всяком случае, я в себе этой силы в достаточном количестве не изыскал. Возмущение снова одолело меня.

Однако меджврисхевский пришелец перебил.

— А раньше, говорят старики, здесь не только перепел, но и фазан, и всякая другая дичь в достатке водилась. Благословенные были времена! — благожелательно сказал он.

— Времена-древеня! — сказал я и в упор, как через мушку ружья, поглядел на него.

Совсем маленьким и ничтожным, кем-то вроде перепела, показался он мне через мушку. Очень удобной штукой оказалась мушка. Собственно, удобной штукой оказалась и здешняя меджврисхевская трава. Через мушку человек кем-то вроде перепела кажется, из меджврисхевской травы Горийскую крепость царскую, едва видать. «Тонко все задумано!» — подумал я.

Наверно, что-то этакое же подумал и Цопе.

— Возьми, — после некоторого, но довольно короткого молчания сказал он и чуть тронул стволом ружья в сторону Армаза.

Я собрал все силы, чтобы скрыть свое внутреннее торжество, и якобы непринужденно подошел к Армазу с перепелом поперек пасти.

— Отдай! — сказал Цопе и чуть тронул стволом ружья в сторону меджврисхевского пришельца.

— Да? — спросил я.

— Да! — сказал Цопе.

— Вах, какой красавец! — в торжестве тряхнул перепела меджврисхевский пришелец, тотчас однако спохватился и стал говорить нам многочисленные любезности, большая часть которых уже полетела нам в спины, ибо мы пустили Армаза и, злые, пошли дальше.

— Разве не наш? — спросил я у Цопе через некоторое время.

— Наш, — сказал он.

— Так что? — спросил я.

— Ты как думаешь? — тоже спросил он.

— Я бы не отдал, — сказал я.

— Нас двое, а он один. На весь район разнесет, что Цопе вдвоем на одного нападает! — заругался на меня Цопе, так заругался, что даже Армаз, явно со мной солидарный, почувствовал себя задетым и недовольно на Цопе огрызнулся.

— Мы-то тут при чем! — сказал он.

— Э! — взмахом руки добавил я.

И только потом до меня дошло, что мы с Армазом творим несправедливость — вдвоем нападаем на одного Цопе.

Юбилейная премия им. П.П. Бажова

Начался прием работ на соискание Всероссийской литературной премии им. П.П. Бажова.

К участию в конкурсе принимаются книги и материалы, опубликованные не ранее января 2008 г. Жюри премии рассматриваются произведения прозаического характера, поэтические сборники, драматургические опыты, публицистика (эссеистика, краеведение, иные жанры), литературно-художественная критика. Основанием для участия в конкурсе является значимость творческого достижения и его органическая связь с русской историей и культурой. Условием для участия является выдвижение произведения любой организацией, работающей в сфере культуры. Прием работ ведется по адресу: 620075, Екатеринбург, ул. Пушкина, 12, Дом писателя.

Учредителями конкурса выступает Екатеринбургское отделение Союза писателей России (Председатель правления Юрий Викторович Казарин) и ОАО «Завод ОЦМ» (Председатель совета директоров Николай Иванович Тимофеев, профессор, академик РИН). Конкурс традиционно имеет статус общероссийского.

Пресс-служба Дома писателя
Елена Шаронова, Елена Дуреко

Справки по тел.: (343) 371-33-70; 8-912-626-53-22

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

1. Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желательно прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.

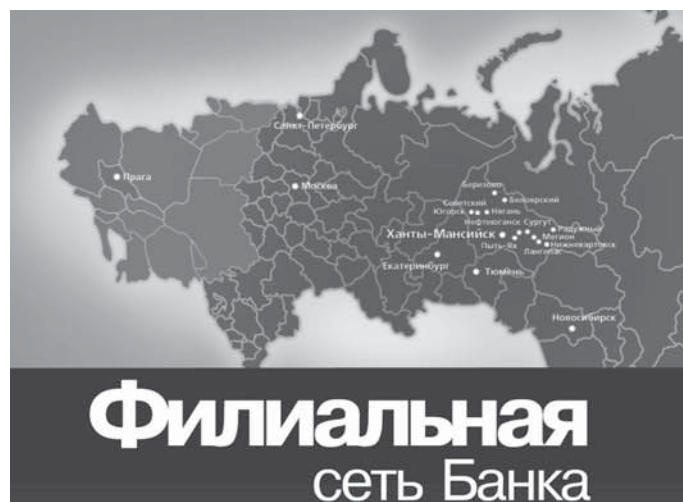
2. Вся верстка выполняется на платформе PC.

3. Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.

4. Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.

5. Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. Все изображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.

6. Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

Филиальная сеть Банка

Головной офис Банка:

628012, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск ул. Мира, 38 (34671) 90-800

Филиальная сеть Банка:

г. Москва	ул. Дубки, 2	(495) 977-98-33
г. Санкт-Петербург	Фрунзский пер., 3, лит. К.	(812) 334-42-56
г. Тюмень	ул. 8 марта, 2/10	(3452) 45-52-50
п. Боровский	ул. Советская, 11	
п. Малый Тараскуль	Санаторий «Тараскуль»	
г. Новосибирск	ул. Ядринцевская, 16а	(383) 222-22-08
г. Югорск	ул. Мира, 11/1	(34675) 7-45-32
г. Советский	ул. Макаренко, 2а	(34675) 3-45-43
пгт. Малиновский	ул. Ленина, 17	
г. Сургут	ул. Маяковского, 12	(3462) 37-76-00
пгт. Федоровский	пер. Парковый, 11-72	
г. Лянтор	ул. Назаргалеева, 30	
г. Когалым	ул. Дружбы Народов, 41	
г. Нефтеюганск	ул. Набережная, 1	(3461) 23-03-07
пгт. Пойковский	4 мкр., 9	
г. Пыть-Ях	2-й микрорайон, 5	(3461) 46-05-33
г. Нижневартовск	ул. Мусы Джалиля, 10	(3466) 49-49-49
р.п. Излучинск	пер. Строителей, 2	
п. Ваховск	ул. Озерная	6(3466) 21-22-86
с. Большетархово	ул. Лесная	24(3466) 49-49-49
г. Лангепас	ул. Комсомольская, 9а	(34669) 2-05-31
г. Покачи	ул. Мира, 4-98	
г. Радужный	3-й микрорайон, 3а	(34668) 3-67-27
пгт. Новоангаск	ул. Мира, 2а	
г. Мегион	ул. Строителей, 2/5	(34663) 26-209
г. Нягань	1-й микрорайон, 27, пом. 1	(34672) 60-966
пгт. Приобье	ул. Школьная, 26	(34678) 3-20-01
р.п. Березово	ул. Ленина, 1а	(34674) 2-20-31
пгт. Игрим	ул. Кооперативная, 28а	
г. Белоярский	ул. Молодости, 11	(34670) 2-39-55

Представительства Банка:

г. Екатеринбург	ул. Красноармейская, 10	(343) 378-41-24
г. Прага	оф. 20/03	
Чешская Республика,	Сеноважная площадь, 8	(8-10-420) 224-213-562

ХАНТЫ-МАНСЙСКИЙ БАНК
ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

15 лет с Вами!

Перечень основных услуг

Основные услуги для юридических лиц:

- Расчетно-кассовое обслуживание
- Установка и обслуживание систем «Банк-Клиент» и «Интернет-Банк-Клиент»
- Валютно-обменные операции
- Банковские гарантии
- Торговое финансирование
- Документарные операции
- Операции с ценными бумагами
- Эквайринг (осуществление расчетов по пластиковым картам Union Card, Visa, MasterCard и Union Card)
- Различные виды кредитования
- Финансовый и оперативный лизинг
- Услуги по внешнеэкономической деятельности
- Зарплатные проекты для сотрудников организаций по пластиковым картам Visa, MasterCard и Union Card
- Овердрафтное кредитование сотрудников организаций под поручительство юридических лиц
- Корпоративные банковские карты

Основные услуги для физических лиц:

- Кредитование физических лиц
- Вкладные операции
- Осуществление срочных денежных переводов по системам MIGOM-Югра, Western Union
- Выпуск и обслуживание банковских карт Visa, MasterCard и Union Card, в том числе социальных для пенсионеров, студентов и получателей различных пособий, кредитных карт:

SMS, e-mail-информирование держателей карт Банка об операциях по карточным счетам (СКО) по заявлению клиента.

Оплата услуг через банкоматы и информационные киоски Банка (сотовая, городская, междугородняя телефонная связь, коммунальные платежи, оплата детских дошкольных учреждений, платежи в Ханты-Мансийский негосударственный пенсионный фонд, спутниковое телевидение и другие услуги)

Изготовление карт с индивидуальным дизайном Visa Classic и MasterCard Standard по заявлению клиента

Перевод денежных средств со счета одной банковской карты на счет другой через банкоматы (P2P)

- Предоставление индивидуальных банковских сейфов в аренду
- Расчетно-кассовое обслуживание (открытие текущих счетов, осуществление платежей по текущим счетам, расчеты по инкассо, аккредитивам и чекам)
- Валютно-обменные операции
- Операции с ценными бумагами
- Прием денежных знаков в валюте РФ и иностранной валюте на экспертизу
- Реализация драгоценных металлов и продажа юбилейных монет
- Депозитарные операции
- Банковские гарантии
- Услуги удостоверяющего центра

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№4(19)

НОЯБРЬ 2008

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ

НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА, СИБИРИ

И ПОВОЛЖЬЯ.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Екатеринбург:

Кердан А.Б.
главный редактор, координатор
Ассоциации писателей Урала;
Бриль Ю.Г.
Заместитель главного редактора;
Титов А.Б.
председатель отделения Союза
русских писателей;
Казарин Ю.В.
председатель отделения Союза
писателей России.

Барнаул: Колесникова Г.П.

председатель краевого отделения
Союза писателей России

Кемерово: Бурмистров Б.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Киров: Фокин В.Г.

председатель областного отделения
Союза писателей России

Курган: Филимонов В.И.

председатель отделения Союза
писателей России

Муравленко: Овсянников А.В.

председатель окружного отделения
Союза российских писателей

Нижневартовск: Смирнов Н.П.

председатель городского содружества
писателей

Омск: Ерофеева-Тверская В.Ю.

председатель отделения Союза
писателей России.

Оренбург: Моисеев В.Г.

председатель регионального отделения
Союза российских писателей

Пермь: Соколова Т.Ф.

председатель областного отделения
Союза писателей России.

Сыктывкар: Козлова Е.В.

председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Тюмень: Денисов Н.В.

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Кравцов А.Б.

президент Тюменской ассоциации
литераторов;

Шамсутдинов Н.М.

председатель областного отделения
Союза российских писателей

Ханты-Мансийск: Коняев Н.И.

председатель правления окружного
отделения Союза писателей России.

Челябинск: Белозерцев А.К.

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Шишов К.А.

председатель организации Союза
русских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!

Адрес для писем: 620075,

г.Екатеринбург, ул.Пушкина,12.

«Ассоциация писателей Урала».

E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.

Контактные телефоны:

(343) 371-33-70, 371-12-06, 381-33-86

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию. При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов

Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии

ООО «Режевской Печатный Дом»,
г. Реж, ул. Красноармейская, д.49.

Тел. (8-3436) 42-15-32

628012, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск

ИНФОРМАЦИОННО - СПРАВОЧНАЯ СЛУЖБА

ул. Мира, 38

(34671) 90-800

www.khmb.ru